Т. Ганжулевичъ.

Записки Охотника

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Съ двумя портретами И. С. Тургенева и 8 иллюстраціями.

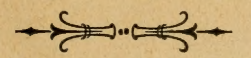
Изданіе т-ва „Прогрессъ Нашей Жизни"
С.-Петербургъ.

Т. Ганжулевичъ.

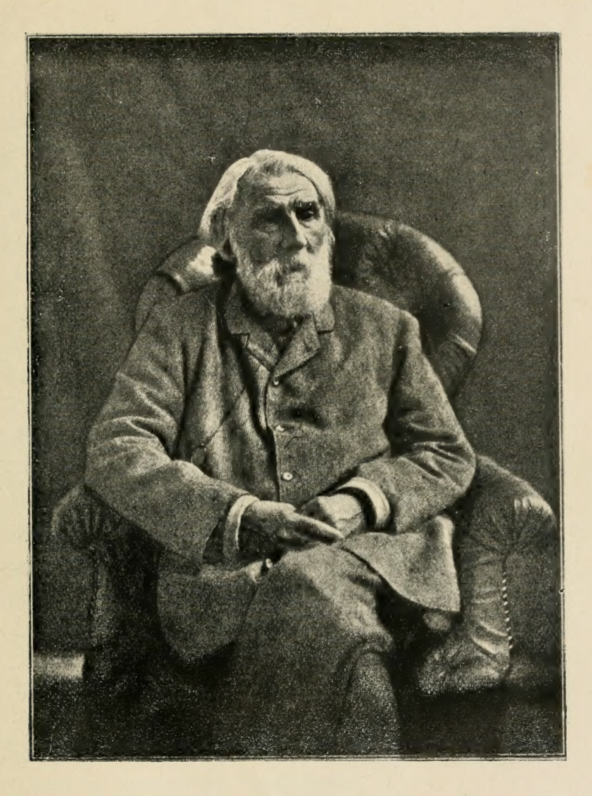
Записки Охотника

И. С. ТУРГЕНЕВА.

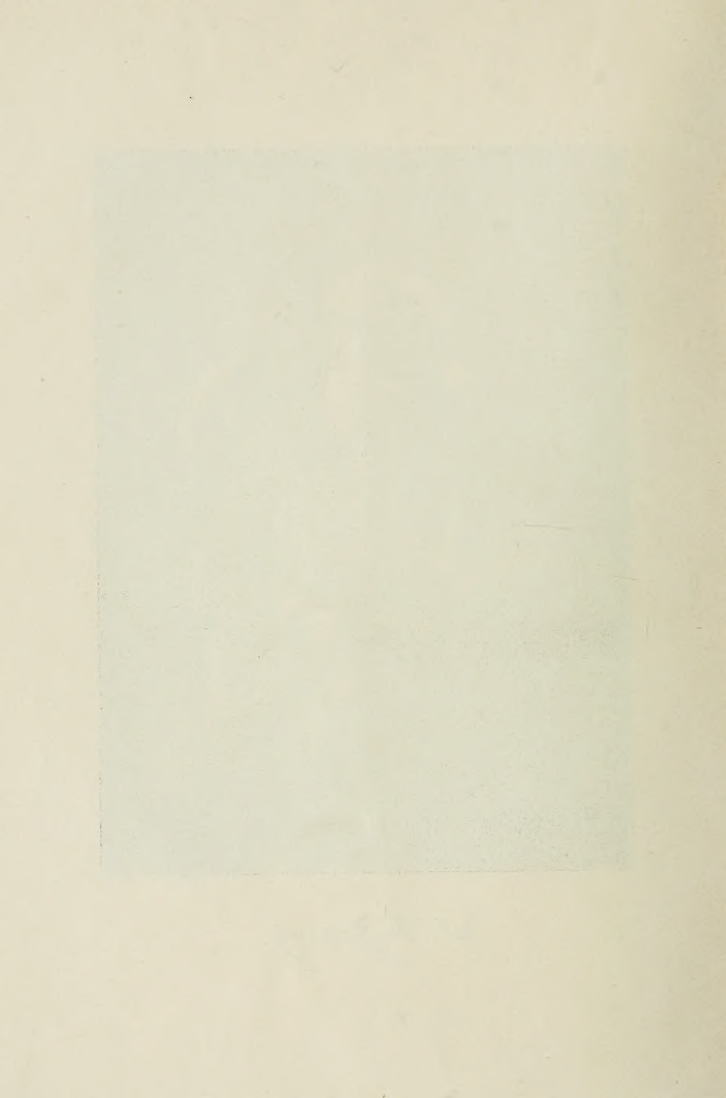
Съ двумя портретами И. С. Тургенева и 8 иллюстраціями.

Изданіе т-ва „Прогрессъ Нашей Жизни“
С.-Петербургъ.

Ив. Тургенев.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Воспоминаніе заслугъ И. С. Тургенева, какъ писателя и человѣка, обязываетъ передъ его именемъ не только русское общество въ его цѣломъ, но и его представителей въ отдѣльности. Мы, конечно, не сомнѣваемся, что на литературную могилу И. С. Тургенева въ память 25-лѣтія со дня его смерти будетъ принесенъ нашей литературой достойный его имени вѣнокъ, но пока, въ ожиданіи такого вѣнка, мы несемъ этотъ скромный трудъ, съ любовью посвященный пѣвцу русскаго крестьянства. Въ немъ авторъ вѣренъ завѣту Тургенева въ попыткѣ изобразить то, что „сдѣлала его книга для освобожденія рабовъ". Другое дѣло, какъ удалось это ему. Исполненіе не всегда сходится съ намѣреніемъ, но одно другое поддерживаетъ. Извиняясь за скромность изданія передъ памятью творца „Записокъ охотника", издательство **„Прогрессъ нашей жизни"** выпускаетъ въ свѣтъ этотъ трудъ, какъ посильную дань своей благодарности передъ великимъ именемъ.

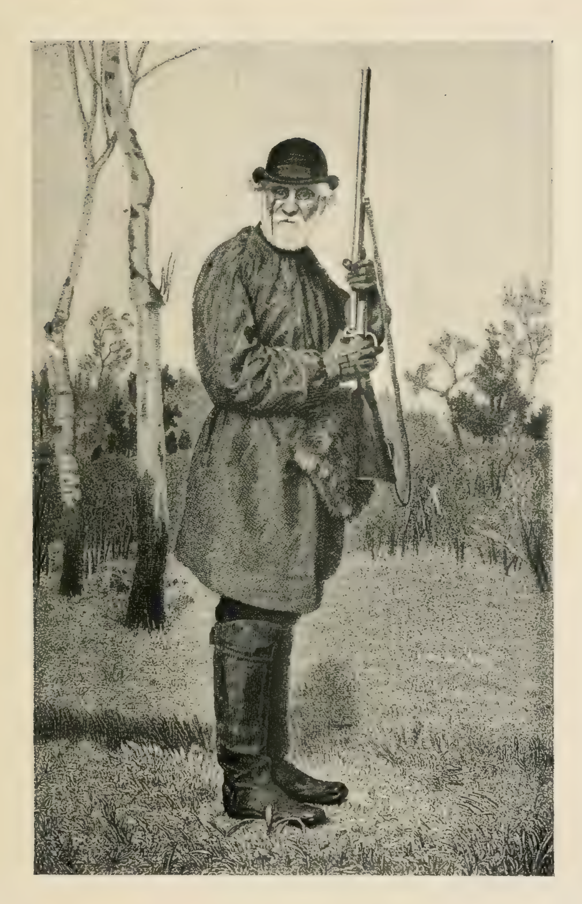
ПРЕДИСЛОВІЕ.

25 лѣтъ прошло со дня смерти И. С. Тургенева, и чѣмъ дальше отдаляетъ насъ жизнь отъ великаго художника, тѣмъ сильнѣе чувствуется значеніе утраты. Таковъ ходъ всѣхъ сильныхъ, дѣйствительно глубокихъ впечатлѣній: они возобновляются при каждомъ напоминающемъ ихъ случаѣ. Имя Тургенева, неразрывно связанное съ нашимъ освободительнымъ движеніемъ, будетъ всегда возставать въ тотъ моментъ, когда этому движенію предстоитъ сдѣлать новый шагъ. Наше грустное недоумѣніе передъ нимъ теперь обращаетъ нашъ взоръ на „Записки охотника", какъ на живое и отрадное доказательство того, что можетъ сдѣлать русскій писатель, одаренный талан-

томъ и чуткой душой. Въ этой книгѣ Тургенева слышится завѣтъ писателя русской литературѣ: всегда и неустанно направлять лучшія свои силы на борьбу съ темными сторонами жизни, правдиво освѣщать ея картины, давая возможность разобраться въ окружающемъ. Самая исторія „Записокъ охотника" ясно указываетъ, что только то произведеніе искусства будетъ жить вѣчно, которое исходитъ изъ корней народныхъ, связывается съ духомъ и жизнью народа: измѣненныя условія не повліяли на „Записки охотника"—не состарили ихъ; попрежнему читаются они съ живымъ интересомъ и не теряютъ силы художественнаго впечатлѣнія; почти полвѣка, прошедшія съ перваго ихъ изданія, для нихъ, конечно, срокъ небольшой, но вѣчность элементовъ художественнаго творчества на этомъ разстояніи уже обозначается. Для созданія такихъ образовъ и картинъ мало знанія, мало даже той свободы духа, которую считалъ обязательной для писателя Тургеневъ, — необходима любовь къ народу, уваженіе къ его личности, которыя и

проявляетъ въ своихъ твореніяхъ авторъ „Записокъ охотника“. И передъ именемъ его съ такою же любовью и уваженіемъ преклонится русскій народъ, умѣющій цѣнить своихъ истинныхъ друзей. Онъ вспомнитъ о немъ въ тотъ день, когда падутъ послѣднія цѣпи, сковывающія его умственной темнотой, и передъ русскимъ крестьянствомъ загорится новая заря свободной жизни.

И. С. Тургеневъ въ костюмѣ охотника.

Посвящается

свѣтлой памяти творца

„Записокъ охотника“

И. С. ТУРГЕНЕВА.

„Записки охотника“ И. С. Тургенева.

„Я попросилъ бы только объ одномъ: чтобы на моей могилѣ изобразили, что сдѣлала моя книга для освобожденія рабовъ. Да, я попросилъ бы только объ этомъ“.—Вотъ почти дословная передача желанія И. С. Тургенева, высказанная какъ-то вскользь. Для насъ оно особенно дорого потому, что оцѣнка И. С. Тургенева, какъ писателя-художника, основывается не только на „Запискахъ охотника“, за которыми идетъ цѣлый рядъ другихъ его произведеній, плѣняющихъ своею художественностью.

Очевидно, Тургеневъ цѣнилъ въ нихъ не одну литературу и въ самой литературѣ признавалъ мѣриломъ не одну художественность. Было что-то болѣе близкое его сердцу, чѣмъ слава художника-писателя, которая ему, какъ ученику Пушкина въ литературѣ,

уже сама по себѣ дорога. Это гуманныя начала. глубоко коренящіяся во всемъ складѣ его характера и ведущія къ протесту противъ насилія и рабства. Тамъ, гдѣ сила ихъ художественнаго изображенія преобразила жизнь,—тамъ нашъ писатель чувствовалъ то удовлетвореніе, которое испытываетъ человѣкъ, находя отзвукъ своимъ душевнымъ переживаніямъ. „Записки охотника“ отразили именно это непосредственное вліяніе художества на жизнь, гуманизма отдѣльной личности на цѣлое общество.

Появленіе въ печати отдѣльныхъ разсказовъ, составившихъ впослѣдствіи томъ „Записокъ охотника“, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда крестьянскій вопросъ занялъ центральное мѣсто въ русской жизни, и безъ него становилось невозможнымъ какое бы то ни было движеніе впередъ. Такіе вопросы обыкновенно даютъ окраску всей эпохѣ: до ихъ рѣшенія живутъ великимъ ожиданіемъ, послѣ нихъ долго еще переживаемъ, пока не выростетъ другой, стягивающій къ себѣ жизненныя силы. Въ художественной литературѣ, отражающей типы эпохи и умственныя переживанія ея, это можно всегда прослѣдить съ большей ясностью, чѣмъ въ исторіи, которая гово-

ритъ о движенiи, но никогда не передаетъ трепета жизненныхъ нервовъ уже минувшаго. Но и въ ней съ трудомъ создается лицо жизни изъ-за субъективныхъ наслоенiй, изъ-за склонности писателя къ изображенiю излюбленныхъ имъ частностей, закрывающихъ настоящiй родникъ современныхъ ему жизненныхъ теченiй. Въ литературѣ, не только русской, но и всемiрной, не много найдется такихъ произведенiй, въ которыхъ назрѣвающее въ исторической жизни народа было бы изображено въ отдѣльныхъ маленькихъ мгновенiяхъ и жизняхъ съ такою художественной точностью, какъ въ „Запискахъ охотника“.

Оно здѣсь не только фонъ, не только выводъ наблюдателя, — оно здѣсь сама жизнь, входитъ въ плоть и кровь каждаго дѣйствующаго лица, затаенная причина каждаго событiя и каждаго явленiя; пропитываетъ все, что живетъ рядомъ, соприкасается съ нимъ. Только при слiянiи личной задачи съ общественной возможно такое отраженiе момента, только при полномъ равновѣсiи силъ художника и мыслителя въ писателѣ достигается такая правдивость, дающая силу изображенiю. Въ итогѣ творцомъ является здѣсь сама жизнь, а со стороны писателя намъ цѣнно умѣнiе отдаться

ея теченію въ своемъ творчествѣ, найти его русло.

Въ „Запискахъ охотника“ Тургеневъ является выразителемъ жизненнаго броженія 40-хъ гг. XIX в., творческихъ силъ данной эпохи. Время это опредѣляется различно, въ зависимости отъ лагеря, изъ котораго оно исходитъ. Въ общемъ нельзя не согласиться, что это былъ расцвѣтъ мысли и идей, первый моментъ дѣйствительнаго родства съ западомъ на почвѣ умственныхъ переживаній.

Станкевичъ, Грановскій, Бакунинъ, Герценъ и Огаревъ — эти лучшіе люди своего времени, эти наиболѣе свѣтлые умы среди русской интеллигенціи жили уже двойною жизнью — западной, гдѣ была ихъ духовная колыбель, и русской—родною. За движеніемъ первой они слѣдили съ горячимъ интересомъ: здѣсь рѣшалась судьба ихъ завѣтныхъ идей и мечтаній. Западная Европа была для нихъ то же, что обширная лабораторія для ученика, жаждавшаго видѣть чудеса науки. Россія жила въ ихъ сердцѣ, и каждое его біеніе отвѣчало трепету жизненныхъ нервовъ родной страны.

Съ запада эта русская молодежь принесла съ собою уваженіе къ человѣческой личности, чувство широкой гуманности,

столкнувшееся здѣсь лицомъ къ лицу съ рабствомъ и насиліемъ. Но заблудившаяся во мракѣ русская жизнь звала къ свѣту надломленныя рабствомъ силы, и онѣ давали уже глухой отзвукъ. Въ общемъ вся жизнь страны въ это время сосредоточивалась въ тѣхъ небольшихъ кружкахъ, на которые разбилась русская интеллигенція и гдѣ выступала раздѣлившаяся на западниковъ и славянофиловъ русская молодежь. „Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ многостороннихъ и чистыхъ“, писалъ впослѣдствіи о ней Герценъ, „я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое“. Какіе же интересы господствовали въ этихъ кружкахъ (въ которые въ бытность свою въ Москвѣ былъ вхожъ и Тургеневъ), какіе вопросы ихъ занимали? — Потомки первой жертвы конституціонныхъ стремленій — декабристовъ — они видѣли невозможность провести политическія реформы въ данный моментъ и, подготовленные наслѣдственной

воспріимчивостью къ борьбѣ и самопожертвованію, направили свои силы на великое дѣло соціальнаго переустройства *). Къ этому присоединялось сознаніе, что съ милліономъ рабовъ, закованныхъ въ цѣпи и понукаемыхъ кнутомъ, невозможно было движеніе по западно-европейскому пути, по которому шли свободные. Невозможно было и обращеніе съ любовью къ тѣмъ преданіямъ, по которымъ свободный народъ по собственной волѣ и свободному договору выбираетъ себѣ форму политической жизни и ей *свободно* подчиняется: въ душѣ рабовъ зрѣла уже ненависть къ этому подчиненію и закипало негодованіе противъ этого „свободнаго“ выбора. Вотъ почему и западники и славянофилы при всемъ различіи своихъ дальнѣйшихъ задачъ—совершенно противоположныхъ другъ другу — сошлись въ одномъ: въ признаніи необходимости работать для освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости. Сознаніе передовыхъ людей просачивалось и въ другіе слои, съ ними соприкасающіеся; а снизу уже поднималась волна, грозная въ своемъ

*) „Мы“, говорилъ Герценъ, современникъ Тургенева,— „отъ декабристовъ получили въ наслѣдство возбужденное чувство человѣческаго достоинства, стремленіе къ независимости, ненависть къ рабству.“

движенiи, готовомъ затопить все въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ. Правительство было въ центрѣ этихъ двухъ теченiй. Съ одной стороны, лучшая русская молодежь—будущее страны — съ Герценомъ и Бакунинымъ во главѣ,—мечущая свои стрѣлы въ рабовладѣльцевъ изъ того прекраснаго далека, до котораго не простирались всесильныя средства Сибири, ссылки, казематовъ, вплодь до красныхъ рукавовъ палача; съ другой,—массовыя возстанiя крестьянъ, дошедшихъ до отчаянiя и предпочитающихъ смерть такой жизни. Статистическiя данныя, приведенныя г. Милюковымъ въ словарѣ Брокгауза, свидѣтельствуютъ, что крестьянскiе бунты вспыхиваютъ изъ года въ годъ при неправильно возрастающей, но все же, прогрессiи. Какъ отзывалось на это правительство, мы видимъ изъ слѣдующаго. Въ 1834 г., когда статистика указываетъ 20 крестьянскихъ волненiй, не считая „маленькихъ“ вспышекъ, подавляемыхъ мѣстными властями, Николай I жаловался Киселеву, что онъ говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ о преобразованiи крѣпостного права и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ прямого сочувствiя (Константинъ и Михаилъ Павловичъ были противъ). Очевидно, небывалое до сихъ

поръ число волненій ясно указало царю на необходимость преобразованій въ этомъ направленіи, служа грознымъ признакомъ общаго настроенія народныхъ массъ. Въ 1841 г. находимъ указаніе, что въ послѣдніе годы передъ нимъ было запрещено разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ. Волненій въ этомъ году насчитывается 17 (число, прошедшее притомъ, какъ видимъ, подъ строгой цензурой). Въ 1842 г. волненій насчитывается 21 (при усилившемся надзорѣ цензуры). — Въ этомъ году изданъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Въ слѣдующемъ году волненій меньше—19. Въ 1844 г.—34, въ 1845 г.—31. Въ 1848 г. Николай I произноситъ рѣчь передъ дворянствомъ, заволновавшимся слухами объ освобожденіи крестьянъ, и, успокаивая его, говоритъ, что онъ никогда не забываетъ интереса помѣщиковъ. Въ этомъ году крестьянскихъ „бунтовъ“ 64. Всего съ 1828 по 1854 г. насчитывается 547 крестьянскихъ возмущеній. Кромѣ этихъ массовыхъ выступленій, зарегистрированныхъ статистикой, были еще частичныя, единичныя, какъ напр., террористическіе акты, направленные противъ помѣщиковъ и ихъ управителей. Въ періодъ 1835—1854 гг. было зарегистрировано 144 убійствъ и 75 покушеній. Однимъ

изъ нашихъ историковъ, касающимся этого времени, настроенiе его характеризуется такъ: „Положенiе крестьянъ было по истинѣ ужаснымъ, помѣщики прибѣгали къ утонченной жестокости, какъ въ смыслѣ самихъ орудiй наказанiя, такъ и способовъ примѣненiя послѣднихъ. Время отъ времени среди народной массы возникали слухи о скоромъ дарованiи воли, и съ этими волнующими слухами власти боролись безъ всякаго успѣха“. Въ правительственной сферѣ дѣйствительно идетъ подпольная работа къ освобожденiю крестьянъ, обсуждаются мѣропрiятiя къ нему, причемъ все это дѣлается втихомолку, скрываясь отъ взора и слуха общества: боялись раздразнить крестьянъ и возбудить дворянъ-рабовладѣльцевъ противъ правительства, а послѣднiе всегда гипнотизировали царскую власть какой-то силой, которой у нихъ никогда въ сущности не было.

Въ такой атмосферѣ выростаютъ люди изъ той же балованной судьбою дворянской среды, умомъ поднявшiеся надъ ея рабовладѣльческими инстинктами. Чувство собственнаго достоинства, впитываемое ими въ семейной обстановкѣ подъ влiянiемъ западно-европейскаго просвѣщенiя, которое они получаютъ изъ первыхъ источниковъ —

заграничныхъ университетовъ, подъ вліяніемъ западно-европейской жизни съ ея уваженіемъ къ достоинству каждаго человѣка—переходитъ въ уваженіе къ человѣческой личности вообще. Это чувство не можетъ помириться съ рабствомъ, какъ не мирится съ нимъ и ясный умъ, передъ которымъ дикимъ абсурдомъ предстаетъ различіе „бѣлой кости“ отъ „черной“, дворянской отъ крестьянской. Со всей пылкостью молодого горячаго чувства отдаются они великому дѣлу освобожденія, съ клятвой посвятить ему, если понадобится, всѣ свои силы, всю свою жизнь.

Клянутся въ вѣрности ему Герценъ и Огаревъ на Воробьевыхъ горахъ, анибалову клятву даетъ передъ нимъ И. С. Тургеневъ. Не клянутся Станкевичъ и Бѣлинскій, но ихъ жизнь безъ того вся тѣсно связана съ лучшимъ будущимъ человѣчества: первый самъ воплощеніе гуманности и душевной красоты, второй—только и дышетъ любовью ко всему человѣчеству, къ его великимъ задачамъ. Рядомъ съ ними стоитъ Грановскій, привлекавшій въ свою профессорскую аудиторію все лучшее московское общество, передъ которымъ онъ раскрывалъ страницы исторіи свободныхъ народовъ. По ироніи судьбы, правительство само позаботилось о

томъ, чтобы развить энергію этихъ людей и направить ихъ силы на надлежащій путь. Герценъ попадаетъ въ ссылку. Здѣсь, въ Вяткѣ, состоя въ губернской канцеляріи, онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ своимъ врагомъ: по канцелярскимъ документамъ, которые приходится ему прочитывать, онъ видитъ воочію злоупотребленія помѣщиковъ, ихъ издѣвательства надъ крѣпостными *), несправедливость судопроизводства, задариваемаго взятками, и съ опасностью для себя, какъ для политическаго ссыльнаго, вмѣшивается въ эти дѣла, отстаиваетъ несправедливо обиженныхъ. Потомъ слѣдуетъ возвращеніе, опять ссылка и, наконецъ, подъ чувствомъ стягивающейся у горла петли, бѣгство за границу. Здѣсь издается „Колоколъ", звонъ котораго громко разносится по Европѣ и заставляетъ прислушиваться къ себѣ вылившую его, но еще дремавшую страну. Прислушивается къ нему не одна русская интеллигенція, но и правительство, и передъ глазами „перваго дворянина" раскрывается весь ужасъ, на половину запрятанный отъ его глазъ усердными слугами,

*) Подъ этимъ впечатлѣніемъ написана его „Сорока-воровка", которую можно считать прямой преемницей „Записокъ Охотника" Тургенева по силѣ и правдивости художественнаго изображенія.

а вмѣстѣ съ этимъ и стыдъ разоблаченій передъ лицомъ просвѣщенной Европы и страхъ передъ ясной угрозой доведенныхъ до отчаянія. „Колоколъ“ побѣдилъ и въ своемъ смиреніи, благоговѣйномъ восторгѣ предъ великимъ дѣломъ, въ которое влилась его часть, призналъ себя побѣжденнымъ. „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ писалъ Герценъ въ „Колоколѣ“ въ 1861 г. послѣ освобожденія крестьянъ. Съ этими словами обращался онъ къ „первому дворянину имперіи“, самому свободомыслящему изъ всѣхъ рабовладѣльцевъ того времени.

Рядомъ съ Герценомъ и такъ же неустанно работалъ Огаревъ, внося въ борьбу подкупающее чувство поэзіи, на которое невольно откликалась душа. Въ міръ свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній ушелъ Станкевичъ, поддерживая своихъ друзей на ихъ высотѣ. Въ споры о „разумной дѣйствительности“ ушелъ было Бѣлинскій, пострадавшій изъ-за перваго нагляднаго изображенія этой дѣйствительности *). Но какъ ни пытался онъ доказать ея разумность въ своей статьѣ о Бородинской годовщинѣ,—

*) Бѣлинскій, будучи еще студентомъ, написалъ поэму „Владиміръ“, гдѣ изображалъ ненормальность отношеній между помѣщиками и крѣпостными, и за это былъ исключенъ.

ея ужасающая безсмыслица заставляла считаться съ собой, и во 2-й періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій круто повернулъ въ противоположную сторону; со всѣмъ пыломъ борца по природѣ обрушился онъ на ея жестокую неразумность. Ему не пришлось увидѣть результатовъ этой борьбы, разбудившей сонливую русскую интеллигенцію, разшатавшую ея спокойные рабовладѣльческіе уголки въ головѣ.

Рано сошелъ со сцены и Грановскій, но авторъ „Записокъ охотника", какъ и Герценъ, дождался великаго дня побѣды, внесшаго „Записки охотника" въ страницы русской *исторической* жизни.

Глава II.

Характеръ литературнаго памятника эпохи, какъ и характеръ дѣятельности писателя, въ значительной степени обусловливается временемъ и средой. Поэтому отъ общественнаго строя, характеризующаго какъ общество, такъ и время, мы подходимъ къ той маленькой скорлупѣ—семейной обстановкѣ, изъ которой вышелъ творецъ „Записокъ охотника".

Какъ воздѣйствовало на семью Тургеневыхъ, а черезъ нея и на воспитываемаго ею будущаго писателя это настроеніе? Что вынесъ изъ семейной обстановки въ жизнь и творчество И. С. Тургеневъ?

Воспоминанія дѣтства автора „Записокъ охотника"—невеселыя. Его родители были настолько заняты своей личной жизнью, что съ внутреннимъ міромъ дѣтей имъ считаться не приходилось. Мать Ивана Сергѣевича—Варвара Петровна, урожденная Лутовинова, вышла замужъ уже не молодой, когда много жизненныхъ бурь пронеслось надъ ея головой. Отчимъ, въ домѣ котораго она жила, довелъ преслѣдованія ея до того, что она при помощи няни должна была бѣжать изъ дому къ дядѣ. Онъ пріютилъ ее. Это былъ скупой и суровый старикъ*); племянницу онъ не обижалъ, но держалъ ее, что называется, въ ежовыхъ рукавицахъ, и до 30 лѣтъ Варвара Петровна жила въ его домѣ безвыѣздно. Послѣ смерти дяди Варвара Петровна получила по завѣщанію все его имѣніе и, ставъ полновластной хозяйкой, почувствовала то опьяненіе властью, которому такъ легко поддаются люди, долго до того находящіеся подъ

*) Онъ былъ изображенъ Тургеневымъ въ „Трехъ портретахъ".

„Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и наигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „Доля ты моя, Доля!“

(„Хорь и Калинычъ“).

гнетомъ. Она женила на себѣ молодого красиваго офицера, для котораго были важны ея имѣнія и доходы съ нихъ. Замужество не принесло радостей Варварѣ Петровнѣ и въ конецъ озлобило ее муками ревности, которыя ей пришлось испытывать не разъ, такъ какъ Сергѣй Николаевичъ умѣлъ пользоваться жизнью и пользовался ею. Самъ писатель говоритъ о немъ: „Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни: онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ. „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни", сказалъ онъ мнѣ однажды". Въ общемъ и для отца, и для матери Тургеневыхъ важна была своя личная жизнь, и съ дѣтьми они оба не считались: отцу забота о дѣтяхъ мѣшала бы пользоваться жизнью; матери не было времени интересоваться ихъ внутреннимъ міромъ за ревнивыми подозрѣніями, наполнявшими ея сердце чувствомъ горечи.

Въ результатѣ дѣти отданы на попеченіе крѣпостного дядьки и гувернеровъ, причемъ послѣдніе постоянно мѣняются по капризу родителей. Душевное одиночество испытываетъ при этомъ чуткая и впечатли-

тельная душа ребенка, которую довоспитываетъ, какъ и всѣхъ нашихъ талантливыхъ людей минувшаго періода, природа и народныя преданія, передаваемыя хранителями ихъ дѣтства крѣпостными слугами. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ съ гордостью могъ-бы сблизить обстановку своего дѣтства съ дѣтствомъ своего учителя Пушкина, къ имени котораго онъ всегда относился съ благоговѣніемъ. Какъ тамъ роль добраго генія сыграла няня Арина Радіоновна, такъ здѣсь замѣнилъ ее крѣпостной дядька и камердинеръ Василій Филипповичъ. Черезъ нихъ не только народная жизнь непосредственно соприкоснулась съ писателемъ, но черезъ камердинера познакомился онъ впервые и съ русской литературой. Василій Филипповичъ*) былъ поклонникъ Хераскова и вообще любитель старинныхъ русскихъ книгъ. Онъ часто читалъ своему питомцу вслухъ. Конечно, это дѣлалось потихоньку отъ родителей. Тургеневъ разсказывалъ, какъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ сада или въ дальней комнатѣ этотъ старикъ читалъ ему русскіе стихи, о которыхъ умалчивали его гувернеры. Съ замираніемъ сердца выслушивалъ будущій писатель, какъ крѣ-

*) По другимъ даннымъ, Өеодоръ Ивановичъ Лобановъ.

постной человѣкъ его родителей прочитывалъ сначала начерно (вполголоса), а потомъ набѣло (громко) стихи Хераскова, причемъ послѣднее сопровождалось вскакиваніемъ и поднятіемъ рукъ. „Отъ восторга,— вспоминалъ впослѣдствіи Тургеневъ,—руки и ноги бывало холодѣли“. Это были первые уроки, само собой подготовлявшіе уже возраженіе Варварѣ Петровнѣ, заявившей впослѣдствіи своему сыну, что „писецъ и писатель—все равно“. Здѣсь впервые, быть можетъ, зародилась у Тургенева мысль о великомъ значеніи русскаго писателя, который, оставаясь художникомъ, изображающимъ жизнь, само собою уже являлся и учителемъ передъ широкой народной аудиторіей. Она не всегда еще понимала красоту и безобразіе, не всегда умѣла отличать ихъ другъ отъ друга, и дѣло писателя было раскрыть ихъ передъ глазами этой аудиторіи во всей ихъ силѣ. Таковъ первый шагъ въ народномъ развитіи вообще. Мы недалеко ушли еще отъ этого періода и теперь, нашъ народъ все еще нуждается въ такихъ учителяхъ, и до сихъ поръ обращаетъ это названіе къ писателямъ и публицистамъ *).

*) Еще не такъ давно, на похоронахъ Михайловскаго, мнѣ пришлось услышать, какъ на вопросъ, кого провожаютъ, рабочій, шедшій въ толпѣ, отвѣтилъ: „учителя“. Т.Г.

Основываясь на этомъ, Тургеневъ всегда указывалъ на великую роль русскаго писателя и русской литературы. Онъ высоко поднималъ знамя этой литературы надъ всѣми личными интересами и заботами, какъ истинный талантъ, хранящій въ себѣ божественную искру вдохновенія.

Въ своемъ письмѣ къ Полонскому, его лучшему другу, онъ прямо говоритъ, что Муза для него дороже дружбы. Литературные интересы преобладаютъ въ его перепискѣ надъ личными. Мучимый смертельнымъ недугомъ, онъ посылаетъ письмо своему литературному сопернику Л. Н. Толстому съ просьбой вернуться къ художественному творчеству, отъ котораго этотъ великій талантъ было отказался. Тогда же Тургеневъ пишетъ свое завѣщаніе русскимъ писателямъ, въ которомъ совѣтуетъ имъ беречь въ чистотѣ русскій языкъ—эту нашу красоту и силу, тотъ языкъ, которымъ говоритъ нашъ народъ, съ заложенными въ немъ богатыми возможностями. И это завѣщаніе пишетъ *западникъ*, въ котораго метали такія стрѣлы наши патріоты и патріотки за его мнимое „отступничество"!

Германская философія, обаяніе западной культуры не изгладили изъ памяти первыя дѣтскія впечатлѣнія, „восторги юныхъ лѣтъ",

и родина, со всей ея непроглядной темнотой, съ ея издѣвательствомъ надъ человѣческой личностью, черезъ дядьку Лобанова и подобныхъ ему другихъ крѣпостныхъ оставила въ сердцѣ писателя навсегда запечатлѣнный любовный слѣдъ. Этой любви не могла внушить атмосфера гостиной и кабинета родителей Ивана Сергѣича, гдѣ обычно говорили по французски.

„Мать моя",—разсказываетъ И. С.,—была женщиной, вполнѣ вылившейся въ форму XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX в.; Пушкина она едва признавала за замѣчательнаго писателя, но литературу русскую дальше Пушкина положительно не признавала. Поэтому, хотя она и умерла въ 1850 году, т. е. когда я уже лѣтъ 7 какъ дѣятельно участвовалъ въ журналѣ, она не признавала во мнѣ писателя". „Записокъ Охотника", въ которыхъ не разъ мелькаетъ ея образъ—помѣщицы-деспотки, издѣвающейся надъ дворовыми,—она не читала и не интересовалась ими.

Въ отцовской библіотекѣ Тургенева были писатели XVIII и начала XIX в., но преимущественно, какъ и слѣдовало ожидать, французскіе *). 3-хъ лѣтъ И. С. вмѣстѣ съ родите-

*) У Гутьяръ мы встрѣчаемъ ихъ перечень.

лями побывалъ за границей: въ Германіи, Швейцаріи и Франціи.

Характерно, между прочимъ, какъ черта наблюдательности, необходимая въ талантѣ художника, проявлялась уже въ то время въ И. С.: во время пребыванія въ Бернѣ онъ, желая заглянуть въ медвѣжью яму, чуть не упалъ туда, но отецъ во время подхватилъ его.

Большая часть дѣтства Тургенева прошла въ с. Спасскомъ, Орловской губ., куда переселились родители изъ Москвы, вскорѣ послѣ его рожденія (род. Тургеневъ 1818 г., 28 октября). Здѣсь не разъ приходилось И. С. съ братомъ быть свидѣтелями дикой расправы матери съ крѣпостными людьми, особенно, съ дворовыми, которые были всегда подъ рукой и на собственной спинѣ выносили то или иное настроеніе господъ. Недалеко отъ этого произвола ушли и понятія родителей Тургенева о педагогическихъ воздѣйствіяхъ на дѣтей: лучшими изъ нихъ считалась розга, которая и примѣнялась при всякомъ случаѣ. Разбирать виновность или невинность ни у отца, ни у матери часто не было времени, и мальчикъ во всякомъ случаѣ наказывался по малѣйшему наговору приближенныхъ лицъ. Разъ, больно наказанный и не зная за что, И. С.

просилъ сказать его вину, но вмѣсто этого отъ него потребовали ея признанія подъ ударами. Обиженный мальчикъ рѣшилъ бѣжать изъ дому; ночью онъ, уже готовый къ тому, вышелъ было одѣтый въ корридоръ, но къ счастью нѣмецъ - гувернеръ во время остановилъ его и, успокоивъ, приласкавъ, уложилъ въ кровать. Утромъ гувернеръ долго бесѣдовалъ съ Варварой Петровной, результатомъ чего послѣдовало нѣкоторое смягченіе въ обращеніи съ Иваномъ Сергѣевичемъ. Къ тому же, для характеристики подобнаго воспитанія слѣдуетъ замѣтить, что И. С. былъ любимый сынъ.

Отецъ относился къ наказаніямъ поощрительно и лишь изрѣдка заглядывалъ въ классную комнату. Однажды онъ засталъ, что нѣмецъ-гувернеръ схватилъ старшаго ученика за вихорь; Сергѣй Николаевичъ въ свою очередь схватилъ нѣмца за воротникъ и сбросилъ его со 2-го этажа, послѣ чего тотъ немедленно былъ удаленъ. Но въ этомъ случаѣ, какъ видимъ изъ всего предыдущаго, поступать такъ побудило отца Тургенева не возмущеніе этой „педагогической“ мѣрой, а та дворянская гордость, которая издѣваться надъ дѣтьми и людьми позволяла только себѣ. Въ концѣ концовъ, „природа и народная жизнь, приковываю-

щая дѣтское сердце задушевностью и оригинальной красотой, являлись единственнымъ источникомъ дѣтскихъ радостей, единственнымъ облегченіемъ среди людскихъ неправдъ и насилій“, какъ говоритъ одинъ изъ біографовъ И. С. Тургенева.

Послѣ такихъ домашнихъ заботъ о воспитаніи, Тургенева съ братомъ увозятъ въ Москву, гдѣ и отдаютъ ихъ въ частный пансіонъ Вейденгаммера, а затѣмъ переводятъ въ пансіонъ директора Армянскаго Лазаревскаго института — Краузе. Здѣсь, благодаря соотвѣтствующей, закрытой отъ жизни, средѣ, романтизмъ царилъ во всю; здѣсь зрѣла благодатная почва для увлеченія нѣмецкой поэзіей и философіей, которой Тургеневъ отдалъ свою дань въ молодости.

Къ университетскому экзамену готовили братьевъ Тургеневыхъ Клюшниковъ и Дубенскій. Въ 1853 г., 15 лѣтъ, И. С. Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ. Первый курсъ въ университетѣ того времени былъ какъ бы лишь подготовительнымъ къ серьезнымъ занятіямъ.

Университетская наука стояла тогда не высоко. Русская литература въ Московскомъ университетѣ преподавалась по схоластическимъ учебникамъ. Пушкинъ былъ запре-

щенное, преступное имя въ университетской аудиторіи.

Молодые пылкіе умы естественно искали выхода на свѣжій воздухъ и, сталкиваясь въ своихъ исканіяхъ, находили его въ кружкахъ. Какъ ни отрицательно относился къ нимъ впослѣдствіи Тургеневъ за то обезличиваніе и страсть къ фразерству, которая изъ нихъ исходила, но въ исторіи русскаго развитія и просвѣщенія эти кружки сыграли крупную роль. Въ ихъ атмосферѣ вращался и самъ Тургеневъ, хотя членомъ этихъ кружковъ онъ не состоялъ. Въ общемъ онъ былъ вдали отъ господствующаго въ нихъ молодого шума и гама.

Въ 1835 году, послѣ смерти отца (1834 г.), Иванъ Сергѣевичъ перевелся въ Петербургскій университетъ. Несомнѣнно, что его болѣе индивидуальная окраска пришлась Тургеневу по душѣ. Въ стѣнахъ этого университета былъ сдѣланъ Тургеневымъ первый литературный шагъ, положившій начало его дальнѣйшей дѣятельности. Профессоромъ русской литературы здѣсь въ это время былъ Плетневъ, „отличный человѣкъ и весьма обыкновенный профессоръ“, какъ характеризуютъ его въ воспоминаніяхъ этого періода. Но онъ былъ близокъ къ славнымъ представителямъ литературы,

богатой тогда оживленіемъ и тѣми произведеніями, которыя остались въ ней вѣчнымъ кладомъ. Характеризуя это время, Бергъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ *), замѣчаетъ, что оно было „чрезвычайно счастливымъ со стороны явленія первоклассныхъ талантовъ на разныхъ поприщахъ искусствъ и художествъ. Литература имѣла такихъ представителей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Герценъ, Грибоѣдовъ, Крыловъ. Въ области критики выступалъ блистательно Бѣлинскій. Живопись по справедливости гордилась Брюловымъ, Бруни, Тропининымъ, Ивановымъ. Скульптура—Пименовымъ, Клодтомъ. Гравированіе Уткинымъ и Іорданомъ. Музыка Глинкой, Даргомыжскимъ" и т. д. „Сцены московская и петербургская блистали множествомъ талантовъ" и т. п. „Россія никогда,—говоритъ Бергъ,—не занималась такъ художествомъ и поэзіей, какъ объ эту пору. Каждое небольшое стихотвореніе Жуковскаго облетало мгновенно всѣ кружки. Экспромтъ Пушкина въ ту же минуту заучивался наизусть. Талантъ воспитывался какъ-то такъ, безъ хлопотъ съ чьей-либо

---

*) Ко времени пребыванія Тургенева въ университетѣ относится, между прочимъ, и не оставившая послѣ себя слѣда профессура Гоголя.

стороны: его питалъ и совершенствовалъ послѣ учебнаго заведенія самъ воздухъ“. Но при этомъ не мѣшало-бы оговориться, что все это блистательное положеніе касалось верхушекъ общества, тѣхъ слоевъ его, которые собственно и составляли настоящую интеллигенцію. До общества въ широкомъ смыслѣ слова многое изъ интересовъ искусства и литературы не долетало благодаря цензурнымъ стѣсненіямъ (какъ, напр., отмѣченное здѣсь имя Герцена въ связи съ его дѣятельностью), ко многому оно относилось апатично, не выходя изъ своего крѣпостническаго благодушія. Въ большинствѣ его не волновали высшіе запросы; оно по прежнему стегало на конюшняхъ своихъ дворовыхъ и посылало на поселеніе чѣмъ-либо неугодившихъ людей. Но романтически настроенная часть молодежи 30-хъ годовъ не всегда снисходила до заглядыванія въ эти темные уголки русской жизни, подавленная, съ одной стороны, строгой цензурой, съ другой,—жаждой саморазвитія, безъ котораго немыслимо никакое дѣло. Первое произведеніе И. С. Тургенева—„Стеніо“ было написано въ романтическомъ духѣ. Онъ указалъ его Плетневу, который пожурилъ молодого автора, но замѣтилъ, что въ немъ „что-то есть“ и пригласилъ его на свои

„вечера“, на которыхъ бывали у него литературныя знаменитости того времени. Изъ ряда указанныхъ затѣмъ Тургеневымъ стихотвореній Плетневъ выбралъ нѣсколько для напечатанія въ „Современникѣ“.

Въ 1837 году Тургеневъ окончилъ университетъ и сдалъ кандидатскій экзаменъ. Тогда же онъ задумываетъ ѣхать для пополненія своего образованія за границу, къ чему поощрительно относится и Варвара Петровна. На ряду съ этими серьезными цѣлями Иванъ Сергѣевичъ сохранилъ, какъ говорилъ его біографъ, юношеское легкомысліе и почти дѣтскую наивность. Съ матерью у него въ это время были прекрасныя отношенія. Занятый сильнымъ ростомъ своего умственнаго развитія, онъ многаго старался не замѣчать, во многомъ смягчала свой деспотизмъ передъ нимъ и Варвара Петровна, которая все же по своему любила его. Каждый пріѣздъ Тургенева домой былъ въ ту пору праздникомъ для дворни, какъ видно это изъ воспоминаній близкихъ Тургеневу лицъ. Въ 1838 году Тургеневъ уѣхалъ за границу; съ провожавшей его на пароходъ Варварой Петровной сдѣлалось дурно: она словно предчувствовала, что съ этого момента ихъ раздѣлитъ не одинъ океанъ. И. С. сопутство-

валъ предоставленный Варварой Петровной дядька Димитрій Кудряшевъ, съ которымъ онъ обращался, какъ съ товарищемъ*). Въ Берлинскомъ университетѣ, куда направился Тургеневъ, особеннымъ обаяніемъ была окружена въ это время гегелевская философія: положительная наука боролась съ теоретическими воззрѣніями. Самъ Тургеневъ говоритъ объ этомъ періодѣ своей жизни: „Я занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера“. Здѣсь же въ это время были Станкевичъ, Грановскій, Бакунинъ—русская молодежь, вооруженная самыми пылкими желаніями, самыми возвышенными стремленіями.

Бакунина Тургеневъ изобразилъ впослѣдствіи въ образѣ Рудина. Станкевичъ оставилъ другой, болѣе глубокій слѣдъ, если не въ самомъ творчествѣ (Тургеневъ хотѣлъ изобразить его въ Покорскомъ), то въ общемъ складѣ духовнаго міра творца „Записокъ охотника“. Обаяніе личности Станкевича передается черезъ десятилѣтіе

*) Димитрій Кудряшевъ, подготовившись заграницей, поступилъ въ университетъ, гдѣ и окончилъ медицинскій факультетъ; но, соскучившись по родинѣ, вернулся вмѣстѣ съ И. С. домой, гдѣ ждала его крѣпостническая зависимость.

въ однихъ воспоминаніяхъ, и сила этого обаянія уже само собою показываетъ, чѣмъ былъ Станкевичъ для кружка людей къ нему близкихъ. И онъ воспользовался этимъ для воплощенія въ жизни своихъ идеаловъ: въ Берлинѣ Станкевичъ беретъ съ друзей торжественное обѣщаніе посвятить свои силы умственному поднятію народа. Сообщая Грановскому о смерти Станкевича (1840 г.), Тургеневъ пишетъ: „насъ постигло великое несчастье. Едва могу собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ котораго мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждой". (Что значилъ вообще этотъ періодъ для духовной жизни Тургенева, только здѣсь впервые соприкоснувшимся съ товариществомъ и притомъ съ его лучшей организаціей, видно изъ того, что Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ называлъ его всегда „свѣтлымъ прошлымъ").

Въ 1841 году Тургеневъ окончилъ Берлинскій университетъ, успѣвъ побывать въ Швейцаріи, Италіи и Римѣ, причемъ путешествіе по Швейцаріи совершалъ какъ простой пѣшеходъ и имѣлъ возможность, такимъ образомъ, соприкоснуться тамъ съ народной жизнью; но здѣсь Тургенева удивила въ свободномъ народѣ какая-то общая

тупость и ограниченность. Какъ ни далеко это время отъ созданія „Записокъ охотника“ (первый разсказъ Тургенева изъ этой серіи появился въ 1847 г.), но, во всякомъ случаѣ, впечатлѣнія этого путешествія могли навести Тургенева на сравненіе съ другими впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ русской народной жизни, въ которой таилось много духовныхъ еще не выявленныхъ силъ.

Возвратясь изъ Берлина въ 1841 г., Тургеневъ жилъ съ матерью въ Москвѣ, а потомъ въ Спасскомъ. Отрезвленный серьезными знаніями умъ уже нѣсколько иначе относился къ окружающему; личность уже поднялась высоко надъ той средой, изъ которой она вышла, и окидывала теперь все внимательнымъ взглядомъ. Многое, незамѣченное раньше за собственнымъ самоуглубленіемъ или пройденное безъ вниманія, открылось въ своей ужасающей наготѣ. Долгое пребываніе Ивана Сергѣевича дома становилось обычнымъ, все входило въ свою колею, и Варвара Петровна переставала стѣсняться въ своихъ помѣщичьихъ привычкахъ, безъ которыхъ ей становилось скучно. Чувство сыновней привязанности долго удерживало Ивана Сергѣевича отъ рѣзкаго осужденія матери, но, понемногу оскорбляемое постоянно проявленіями

деспотизма со стороны Варвары Петровны,— оно начало таять. Общее бѣдствіе народное невольно становилось теперь для Тургенева личнымъ несчастьемъ. Въ Москвѣ Тургеневъ старался какъ можно рѣже бывать дома. „Хорошо освѣдомленный съ главнѣйшими теченіями германской философіи“,— говоритъ новѣйшій біографъ И. С. Тургенева—Гутьяръ,—„молодой Тургеневъ былъ желаннымъ гостемъ въ тогдашнихъ московскихъ кружкахъ, гдѣ безусловно царила гегелева философія. Споры о ней велись повсемѣстно и ожесточенно“*). Чаще всего бывалъ Тургеневъ въ кружкахъ Грановскаго и Елагиной.

Другъ И. С.—Кавелинъ,—характеризуя кружокъ Елагиной, говоритъ: „Все, что было въ Москвѣ интеллигентнаго, просвѣщеннаго и талантливаго, съѣзжалось сюда по воскресеніямъ. Пріѣзжавшія въ Москву знаменитости, русскіе и иностранцы, являлись въ салонъ Елагиной. Въ немъ преобладало славянофильское направленіе, но это не мѣшало постоянно посѣщать вечера Елагиныхъ людямъ самыхъ различныхъ воззрѣній до тѣхъ поръ, пока литературныя партіи не раздѣлились на два непріязненныхъ ла-

*) См. Гутьяръ: „И. С. Тургеневъ“. Юрьевъ. 1907 г.

„Арина вернулась съ небольшимъ графинчикомъ и стаканомъ. Ермолай привсталъ, перекрестился и выпилъ духомъ".

— „Люблю!"—прибавилъ онъ.

(*„Ермолай и мельничиха"*).

геря—славянофиловъ и западниковъ“, что случилось въ половинѣ 40-хъ годовъ. Въ кружкѣ Грановскаго вслѣдъ за философскими, научными и литературными вопросами обсуждались въ ту зиму и слухи, ходившіе въ обществѣ, о скоромъ освобожденіи крестьянъ. (Результатомъ этихъ слуховъ былъ лишь указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, изданный въ 1842 г.). Какъ близко принималъ Тургеневъ этотъ вопросъ къ сердцу, мы видимъ изъ того, что при своемъ поступленіи на службу въ особенную канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ онъ подалъ записку: „Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и русскомъ крестьянствѣ“. Въ московскихъ кружкахъ окончательно сложилась духовная личность Тургенева. „Изъ близкихъ дружелюбныхъ сношеній съ разнородными слоями общества, не исключая и тѣхъ, которые стояли у нашихъ круговъ на index, считались слоями отверженными и недостойными вниманія, возникла у Тургенева та“,—говоритъ П. В. Анненковъ,—„смѣю выразиться, *нужда справедливости* по отношенію къ людямъ и — какъ необходимая ея окраска — то благорасположеніе къ нимъ, которыя составили ему репутацію чрезвычайно симпатическаго, доброжелательнаго и *много понимающаго*

человѣка въ нашемъ русскомъ мірѣ". Въ стремленіи къ серьезнымъ занятіямъ И. С. Тургеневъ остановился было на мысли о профессорской дѣятельности и хотѣлъ было сдать экзаменъ при Московскомъ университетѣ на магистра философіи, но, за неимѣніемъ тогда каѳедры философіи въ этомъ университетѣ, Тургеневу было отказано. Между тѣмъ, жизнь дома становилась не въ моготу: И. С. пытался говорить съ Варварой Петровной относительно ея обращенія съ крѣпостными, усовѣщивать ее, но выходило только хуже: Варвара Петровна не переносила вмѣшательства въ свои дѣла и отношенія. Прослуживъ годъ, по настоянію матери, въ Петербургѣ, поживъ то въ одной столицѣ, то въ другой, Тургеневъ въ 1847 г. уѣзжаетъ опять за границу. Здѣсь выступала на Королевской сценѣ въ Берлинѣ знаменитая пѣвица того времени Віардо, съ которой Тургеневъ познакомился еще въ Москвѣ. Онъ сблизился съ семьей Віардо, дружески привязался къ ней и провелъ съ ней большую половину своей жизни. Въ это время матеріальныя условія жизни Тургенева были довольно стѣснены, такъ какъ Варвара Петтровна была противъ этой поѣздки сына и отказалась высылать ему средства для жизни. Крайняя щепетильность

Тургенева заставляла его скрывать свое положеніе отъ знакомыхъ и друзей, и онъ серьезнѣе сосредоточивался на мысли о литературной работѣ. Возникающій подъ редакціей Некрасова „Современникъ“ привлекъ вниманіе Тургенева, и онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ судьбѣ этого журнала. Онъ хлопочетъ о томъ, чтобы привлечь къ нему Бѣлинскаго и сдѣлать его полнымъ хозяиномъ журнала, самъ посылаетъ туда небольшой разсказъ „Хорь и Калинычъ“ — первый изъ серіи „Записокъ охотника“. 40-е годы вообще были временемъ усиленнаго интереса къ народной жизни во всѣхъ литературахъ. „Дача на Рейнѣ“ Ауэрбаха, произведенія Жоржъ-Зандъ—подняли этотъ интересъ. У насъ уже появились повѣсти казака Луганскаго (псевдонимъ Даля), написанныя изъ народной жизни, хотя далеко не чуждыя крѣпостническаго благодушія; несмотря на это, Тургеневъ горячо привѣтствовалъ ихъ появленіе въ одной изъ своихъ журнальныхъ замѣтокъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ записокъ“ появляется уже „Деревня“ Григоровича, которую Тургеневъ вполнѣ справедливо назвалъ „первой изъ нашихъ деревенскихъ исторій“ „Dorfgeschichten“. Какъ на западѣ, такъ и у насъ это направленіе

литературнаго творчества имѣло свои источники. Западноевропейское обращенiе къ народной жизни было въ значительной степени обусловлено предшествующимъ ему романтизмомъ съ его гуманными идеалами, которые не примирялись съ презрѣнiемъ къ народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ народной личности, господствующимъ въ старомъ классицизмѣ. Что касается русской литературы, то своимъ интересомъ къ народной жизни она въ значительной степени была обязана возгорѣвшимся спорамъ славянофиловъ и западниковъ относительно пути, по которому должна пойти русская исторiя въ ея будущемъ. Коренное различiе взглядовъ этихъ двухъ партiй заставляло глубже призадуматься надъ основой русской жизни, присмотрѣться къ ея фундаменту, отъ котораго въ значительной степени зависитъ и все зданiе. Исходя изъ различнаго пониманiя гегелевской философiи (правое и лѣвое гегелiанство, соотвѣтствующее славянофиламъ и западникамъ), эти взгляды привели черезъ споры объ абсолютномъ духѣ и разумной дѣйствительности къ кореннымъ вопросамъ этой дѣйствительности: къ землѣ и ея силамъ. Для обѣихъ спорящихъ сторонъ было, однако, ясно, что побѣда или пораженiе ихъ теорiй почти цѣли-

комъ зависитъ отъ того, кто своимъ великимъ молчаніемъ не разъ задавалъ такія загадки вершителямъ русскихъ судебъ—отъ народа. За нимъ оставалось послѣднее, а потому и рѣшающее слово. Предугадать его, не зная народа, его быта и заключеннаго въ этотъ бытъ духовнаго міра народа, не было, конечно, никакой возможности. Необходимо было разгадать этотъ таинственно молчащій сфинксъ, какъ выразился о немъ авторъ „Записокъ охотника", и за эту-то задачу и взялась русская литература 40-хъ и 50-хъ годовъ. Но не легко было разгадывать сфинкса при тѣхъ условіяхъ русской жизни, которыя намъ извѣстны уже изъ исторіи русской литературы того времени: сторожевые львы слишкомъ зорко слѣдили и за сфинксомъ, и за подходящими къ нему въ цѣляхъ выгодной для львовъ розни между ними (въ одиночку скорѣе можно подавить одного и съѣсть другихъ). На пути сближенія народа съ интеллигенціей ставились всевозможныя препятствія, начиная съ просвѣщенія, которое дается однимъ и отнимается отъ другого, за тяжелыми поборами, не дающими даже возможности подумать о чемъ-либо, кромѣ заработка на насущный хлѣбъ, и кончая также искусственно выдвигаемой экономической рознью

(высшая оцѣнка труда, чины и т. п.). Львы, конечно, были сильно потревожены стремленіемъ къ сближенію, знакомству съ народнымъ бытомъ въ литературѣ, и приняли свои мѣры. „Литераторъ того времени“, по словамъ Тургенева, „кто-бы онъ ни былъ, не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то вродѣ контрабандиста“. Цензурныя стѣсненія росли до того, что въ печати запрещалось даже говорить о крестьянскомъ вопросѣ, а слова „освобожденіе отъ крѣпостной зависимости“, несмотря на подготовительную къ этому работу, были вовсе запрещены и замѣнены какими-то канцелярскими терминами. Все это вызываетъ удивленіе: какимъ образомъ могли пройти въ то время благополучно „Записки охотника“, не увязнувъ въ цензорскихъ рукахъ.

Если даже и справедливо высказываемое предположеніе, что удаленный отъ своей должности цензоръ Львовъ пострадалъ именно изъ-за „Записокъ охотника“ которыя онъ пропустилъ въ полномъ собраніи (это опровергается сопоставленіемъ датъ въ работѣ г. Гутьяръ), то какимъ образомъ прошли повѣсти Григоровича? Отчего опомнились лишь при отдѣльномъ изданіи „Записокъ охотника“? Правда, маленькіе на видъ, невинные и для цензуры художе-

ственные разсказы въ отдѣльности могли не производить того впечатлѣнія, что цѣлый рядъ ихъ, причемъ каждая маленькая картинка пополнялась смысломъ цѣлаго. Но слѣдуетъ обратить вниманіе, что психологія общества и цензуры не одна и та же; ходъ ихъ впечатлѣній различенъ; предъ цензурой неизмѣнно стоятъ предвзятая мысль и связанный съ нею параграфъ правилъ и узаконеній, отъ чего совершенно свободно общество*). Извѣстно много прямо комическихъ случаевъ изъ исторіи цензурныхъ притѣсненій. Сдѣлать крупную ошибку цензура можетъ разъ, но едва ли больше. Цѣлый рядъ разсказовъ, просматриваемыхъ цензурой еще до ихъ появленія въ „Современникѣ", не могли-бы не обратить вниманія, если-бы не тѣ соображенія, которыя намъ кажутся вполнѣ допустимыми. Дѣло въ томъ, что правительство въ то время сознало уже, какъ мы знаемъ, неизбѣжность уничтоженія крѣпостной зависимости, но, боясь озлобить противъ себя дворянство, которое всегда представляло для него какую-то мистическую силу,—оно подготовляло реформу втихомолку. Все, что шло бы на встрѣчу этому, не слишкомъ рѣзко

*) Предвзятые взгляды общества создаются свободно и не имѣютъ силы неподвижнаго закона.

бросаясь въ глаза самимъ дворянамъ и не озлобляя ихъ, могло привѣтствоваться какъ подмога дѣлу правительства же. Таково, намъ кажется, и было отношенiе къ „Запискамъ охотника“, которыя своимъ появленiемъ открывали передъ правительствомъ еще новую необходимость освобожденiя крестьянъ: созданныя помѣщикомъ, они само собой указывали уже на готовность лучшихъ среди нихъ соединиться съ народомъ въ дѣлѣ его освобожденiя. Не даромъ Александръ II-й говорилъ, что послѣ появленiя „Записокъ охотника“, его ни на минуту не покидала мысль объ освобожденiи крестьянъ. Цензура поняла и оцѣнила значенiе этихъ разсказовъ для дѣла освобожденiя едва-ли не раньше общества. Ссылка Тургенева изъ за статьи о Гоголѣ по поводу смерти послѣдняго имѣла въ своемъ основанiи, конечно, преслѣдованiе за „Записки охотника“, но предпринималась отчасти какъ уступка оскорбленному чувству мнимаго дворянскаго достоинства; во всякомъ случаѣ, не являлась обычной въ такихъ случаяхъ административной мѣрой. Этимъ объясняется и сравнительная легкость „прощенiя“. (Вспомнимъ, какую канитель выдержалъ при этомъ Пушкинъ).

Первые разсказы изъ серiи „Записокъ

охотника“ появились въ 1847 году, ознаменованномъ въ литературѣ отступничествомъ отъ лучшихъ завѣтовъ славнаго въ ней имени. Это было время появленія „Переписки“ Гоголя. Нечего и говорить, какъ возмущенъ былъ этимъ русскій литературный міръ въ его лучшей части. Тургеневъ при всей своей природной мягкости и корректности прямо и рѣзко охарактеризовалъ эту книгу, какъ „смѣсь гордыни и подыскиванія ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона“. Быть можетъ, какъ предполагаетъ въ своемъ изслѣдованіи и г. Гутьяръ, „Переписка“ Гоголя и была одной изъ ближайшихъ побудительныхъ причинъ созданія „Записокъ охотника“. Она направила сюда творческое вниманіе, которое колебалось еще въ то время между небомъ и землей, заоблачными идеалами романтизма и неразумной дѣйствительностью земли, гдѣ красота и добро запрятаны подъ толстымъ слоемъ безобразія и зла. Въ Мардаріи Аполлоновичѣ, котораго рисуетъ Тургеневъ въ своихъ „Запискахъ охотника“ *), предъ нами типъ помѣщика, отвѣчающаго идеаламъ гоголевскаго письма. „Любяй да наказуетъ“, говоритъ Мардарій Аполлоновичъ, и съ до-

*) Два помѣщика.

брѣйшей улыбкой, распивая чай, вторитъ ударамъ розогъ, доносящимся изъ конюшни, гдѣ, по его приказанію, наказываютъ двороваго. Нигдѣ пошлость гоголевскаго идеала помѣщика не достигала такой яркости изображенія и не внушала такого отвращенія, какъ въ лицѣ Мардарія Аполлоновича; заявленіе наказаннаго, что „у насъ баринъ... такого барина въ цѣлой губерніи не сыщешь“, высказанное имъ, какъ похвала, сразу послѣ наказанія, только возмущаетъ наше нравственное чувство человѣческаго достоинства. Никакая публицистическая статья не могла бы доказать съ такою ясностью пошлость гоголевскихъ идеаловъ, невольно побуждая общество отвернуться отъ нихъ.

Даже письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, запрещенное цензурой, а потому ходившее долгое время по рукамъ, изъ-за чтенія котораго въ свое время пострадалъ Достоевскій, не могло имѣть такого широко-убивающаго значенія для идеаловъ гоголевской „Переписки“, какъ „Записки охотника“ Тургенева. „Хорь и Калинычъ“—это протестъ той же живой дѣйствительности противъ гоголевскаго пониманія ея. Попираемое въ гоголевскихъ письмахъ достоинство человѣческой личности крестьянина здѣсь опровергается тѣмъ достоинствомъ, которое вло-

жено въ нее самой природой. Самоцѣнность человѣческой личности, у которой свои заботы, влеченія и интересы, выступаетъ въ этомъ произведеніи съ художественной силой и ведетъ къ признанію рабовладѣльческаго позора. „Изъ всѣхъ писателей нынче больше всѣхъ таланта у Тургенева“, сказалъ Гоголь, умершій въ годъ изданія полнаго собранія „Записокъ охотника“. Зналъ-ли онъ, что этотъ талантъ подыметъ опрскинутые имъ идеалы и съ ихъ свѣтомъ пойдетъ впередъ? Зналъ-ли онъ, что Тургеневъ спасетъ его имя для русскаго общества, заставивъ своими художественными отраженіями русской крестьянской и помѣщичьей дѣйствительности забыть объ его письмахъ или, по крайней мѣрѣ, понять, что передъ нами въ нихъ лишь новая жертва ненормальнаго уклада русской жизни, потерявшая равновѣсіе среди окружающей пошлости? Не только для общества, но и для литературы спасъ это имя Тургеневъ, примкнувъ съ своими освободительными идеалами и широкой гуманностью къ той школѣ литературы, которая, хотя и не совсѣмъ справедливо, называется „гоголевской“. (Для Тургенева въ ней важны были пушкинскіе элементы, преобладающіе здѣсь).

Глава III.

Развитіе таланта Тургенева совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда имя Пушкина было священно для русской литературы, когда старыя эстетическія теоріи пали, а на мѣсто ихъ явилась въ искусство сама жизнь со своими новыми запросами. Она пошла впереди искусства, обусловивъ его форму въ своемъ движеніи. Не закованное въ цѣпи опредѣленій и указаній, художественное творчество въ литературѣ развивалось свободно вмѣстѣ съ жизнью.

Вотъ почему это время такъ богато настоящимъ художествомъ, замершимъ опять, какъ только форма окончательно опредѣлилась и замкнула въ свои рамки жизнь. (Такую завершенность извѣстнаго круга эстетическаго развитія представляютъ, напр., наши 80-е года, бѣдные талантами и жизнью искусства *).

Свобода творчества—это еще завѣтъ романтизма, выродившагося въ безпочвенный идеализмъ,—въ литературѣ 40-хъ гг. получила живое примѣненіе. Свобода твор-

---

*). Она лишь слабо мерцала въ робко звучащихъ тогда пѣсняхъ „декаденства“, догорала въ творчествѣ Чехова, разстающимся съ старымъ описательнымъ искусствомъ.

чества понималось въ ней не какъ простое фантазерство писателя, а какъ свободное управленіе той же дѣйствительностью, которая открывалась передъ взорами художника, воспроизводила ея картины. Тогда была серединная полоса въ искусствѣ, занявшая положеніе между двумя крайними точками — идеалистическимъ романтизмомъ и реалистическимъ теченіемъ натурализма. У писателей, соприкоснувшихся съ началомъ этого эстетическаго развитія и переживших его завершеніе, эта переходная полоса въ творчествѣ отразилась рядомъ трудно уловимыхъ переходовъ. Ихъ сравнительно легче прослѣдить въ произведеніяхъ такого, напр., крупнаго художественнаго таланта, какъ Тургеневъ.

Его творчество помогаетъ историку эстетики прослѣдить ту эволюцію, которая не поддается наблюденію въ своихъ крайне выраженныхъ пунктахъ и часто ошибочно разсматривается, какъ протестъ предыдущему направленію. Но въ мірѣ искусства, какъ и въ мірѣ органическомъ, скачковъ развитія не бываетъ.

Творчество Тургенева заняло промежутокъ времени отъ 40 до 80-хъ годовъ XIX в., и, такимъ образомъ, захвативъ конецъ романтизма, переживаетъ всю эпоху реа-

лизма, переходящаго при немъ же въ натурализмъ. При той воспріимчивости, на которую указываетъ въ талантѣ Тургенева еще Бѣлинскій, его творчество, захватившее по пути всѣ эти элементы развивающагося искусства, представляетъ цѣнный синтезъ въ ихъ переработкѣ, интересный не только для исторіи русскаго искусства, но и для теченій русской жизни, отразившихся въ немъ. Отдавъ дань чистому романтизму въ своихъ первыхъ стихотворныхъ произведеніяхъ, Тургеневъ съ отмѣченнымъ у него „чувствомъ дѣйствительности“ и симпатіей ко всему живому обратился къ воспроизведенію жизни, какъ она есть, внося все же въ нее романтическія начала. Одно изъ нихъ—это свобода творчества, которую Тургеневъ признавалъ необходимой для истиннаго художника. Обращаясь къ молодымъ беллетристамъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“, Тургеневъ указываетъ, что одного таланта недостаточно для схватыванія и уловленія жизни: „нужно—говоритъ онъ,—постоянное общеніе съ средою, которую берешься воспроизводить, нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій, наконецъ, нужна образованность,

нужно знаніе". Объ этомъ же говоритъ онъ и въ письмахъ къ Милютиной, приводя характеристику собственнаго облика: „Я преимущественно реалистъ,—пишетъ ей Тургеневъ,—и болѣе всего интересуюсь живою правдою людской физіономіи; ко всему сверхестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, *люблю больше всего свободу* и сколько могу судить доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство чуждо такъ же, какъ и всякая ортодоксія" *). Но, встрѣчая здѣсь слово „реалистъ", нельзя забывать, что передъ нами писатель, выросшій еще на завѣтахъ эстетики романтизма, и потому самое пониманіе реализма окрашивается еще романтическимъ отсвѣтомъ. „Талантъ,—говорилъ впослѣдствіи о немъ Вогюэ,—выражается именно въ соблюденіи удивительной пропорціи между реальнымъ и идеальнымъ; каждая подробность остается въ области реализма, а все вмѣстѣ взятое плаваетъ въ области идеала".

И, дѣйствительно, чувство прекраснаго въ Тургеневѣ побѣждало въ результатѣ всякія другія противоположныя ему впечат-

*) Въ славянофильствѣ И. С. возмущало слышавшееся въ немъ приниженіе личности, съ которымъ онъ никогда не могъ примириться.

лѣнія. При описаніи самой обыденной дѣйствительности, самыхъ мелочныхъ и часто далеко неутѣшительныхъ ея явленій, какъ въ „Хорѣ и Калинычѣ“, „Ермолаѣ и Мельничихѣ“, „Свиданіи“ и др., взлелѣянное романтизмомъ чутье писателя-художника вскрываетъ за этимъ видимымъ возвышенныя перспективы. Изъ-за самодурства помѣщиковъ, изъ-за деспотизма рабовладѣльцевъ-крѣпостниковъ сквозитъ чувство высокаго гуманизма, которое тѣснится въ произведеніяхъ Тургенева черезъ маленькія щели, открытыя для него дѣйствительностью. Тургеневъ никогда не проходилъ мимо ихъ проблесковъ, всегда съ любовью отмѣчалъ ихъ; оттого на общемъ фонѣ вынужденнаго художественнаго безстрастія это чувство такъ рѣзко выдѣляется въ его произведеніяхъ.

Сила тѣснившейся въ груди живой любви къ людямъ передавалась всѣмъ, даже маленькимъ, штрихамъ его и давала имъ художественную выпуклость. Въ этомъ смыслѣ творчество Тургенева такъ же субъективно, какъ и творчество тѣхъ писателей индивидуалистовъ, къ которымъ по общему складу натуры и мышленія не могъ быть отнесенъ И. С. Тургеневъ. Писатель далекъ отъ умышленнаго выставленія своей личности,

„Николай Еремѣичъ скрутилъ голову на бокъ и усердно застучалъ костяшками.

— Наши... мужики... Николай Еремѣичъ...—заговорилъ Сидоръ, запинаясь на каждомъ словѣ: –приказали вашей милости... вотъ тутъ... будетъ... Онъ запустилъ свою руку за пазуху армяка и началъ вытаскивать оттуда свернутое полотенце съ красными разводами.“

(„*Контора*“).

кругъ его переживаній и чувствованій простирается за предѣлы этой личности (въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ прямо указываетъ на то, что настоящимъ художникомъ онъ считаетъ лишь объективнаго писателя*); но на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ печать создавшаго ихъ характера: мягкость колорита, возвышенность стыдливо скрывающагося отъ взоровъ идеала, благородство души человѣческой, мерцающее то здѣсь, то тамъ, несмотря на грубость окружающей ее дѣйствительности.

А между тѣмъ, въ творчествѣ Тургенева человѣкъ постоянно боится помѣшать художнику и въ цѣляхъ искусства готовъ даже попортить первому. Эстетическое чувство у Тургенева преобладаетъ надо всѣми публицистическими соображеніями, и забота о чистотѣ художественнаго воспроизведенія часто увлекаетъ его, какъ это случилось въ „Отцахъ и дѣтяхъ", гораздо дальше намѣченныхъ предѣловъ или направляетъ въ другую сторону. Чтобы, напр., сто-

*) Тургеневъ пишетъ г. Кигну: если васъ изученіе человѣческой физіономіи, чужой жизни, интересуетъ больше, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей, если вамъ пріятнѣе вѣрно и точно передать наружный видъ не только человѣка, но и простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи или этого человѣка—значитъ, вы объективный писатель и *можете* взяться за повѣсть или романъ.

ило писателю сказать въ „Двухъ помѣщикахъ“, что дворовый человѣкъ, наказанный Мардаріемъ Аполлоновичемъ, пожаловался на своего барина проѣзжему и сталъ бы его бранить, хотя потихоньку, иносказательно, изъ боязни, чтобы тотъ не передалъ? Казалось, полнота передаваемаго впечатлѣнія отъ этого лишь выиграла бы, да и въ цѣляхъ публицистическихъ для Тургенева такъ закончить свой разсказъ было бы пріятнѣе; но нелюбовь ко всякой фальши въ художественномъ изображеніи помѣшала Тургеневу доставить это нравственное удовлетвореніе себѣ и читателю, при которомъ мы легко забыли-бы о самомъ фактѣ, переходя въ возвышенную настроенность торжества нашихъ человѣческихъ чувствъ.

Онъ ставитъ насъ въ недоумѣніе своимъ заключеніемъ и заставляетъ тѣмъ продумать свой минутный порывъ протеста передъ уничиженіемъ человѣческой личности, вызванной предыдущей картиной, понять его значеніе и цѣнность. Такъ незамѣтно и, быть можетъ, неясно для самого писателя сходятся роли художника и публициста. То же самое мы видимъ и въ разсказѣ однодворца Овсянникова*), когда прекрасныя сло-

*) „Однодворецъ Овсянниковъ“.

ва г. Королева остаются словами и грубый рабовладѣльческій эгоизмъ прорывается изъ-за нихъ съ старой силой. Но въ этомъ реализмѣ нѣтъ безобразія и ужаса, потому что надо всѣмъ поднимается здѣсь торжество гуманныхъ чувствъ, торжество лучшаго въ человѣкѣ, которое *продуманно* выноситъ читатель послѣ чтенія „Записокъ охотника“. Это реализмъ школы Пушкина, реализмъ въ романтической окраскѣ, который никогда не дойдетъ до оголѣнія дѣйствительности. Въ статьѣ, посвященной памяти И. С. Тургенева вскорѣ послѣ его смерти, Шмидтъ разсказываетъ, что одинъ изъ парижскихъ реалистовъ посвятилъ Тургеневу томъ своихъ разсказовъ съ надписью: „Salve, frater“. Отмѣчая это, критикъ замѣчаетъ: „конечно, Тургеневъ реалистъ въ томъ смыслѣ, что онъ не рубитъ съ плеча, но изображаетъ типы и картины на основаніи глубокаго изученія природы“; особенность реализма Тургенева Шмидтъ видитъ въ томъ, что онъ „не натираетъ своихъ красокъ передъ зрителемъ, не записываетъ подрядъ все, что видитъ или что можетъ увидѣть; онъ изображаетъ только то, что считаетъ цѣлесообразнымъ для созданія гармоничной общей картины. Тургеневъ чуждается безобразнаго и старается его избѣ-

4*

гать, но гдѣ приходится изображать его, онъ поступаетъ съ необыкновенной осторожностью, онъ поклонникъ прекраснаго даже тамъ, гдѣ рисуетъ безобразное“. Это опредѣленіе реализма въ творчествѣ Тургенева едва-ли не одно изъ наиболѣе точныхъ во всей критической литературѣ о Тургеневѣ и съ нимъ нельзя не согласиться. Художественное чувство у Тургенева всегда стыдливо покрываетъ оголенную дѣйствительность и, не поражая взоръ рѣзкими линіями, оставляетъ часть творческой работы за читателемъ. Неизбѣжный при чтеніи такихъ произведеній процессъ интуиціи заставляетъ переработать въ себѣ художественный процессъ и такъ какъ на долю интуиціи остаются скрытые за изображеніями дѣйствительности, отвѣчающіе ей идеалы, то онъ всегда связанъ съ чувствомъ красоты. Послѣдующее развитіе реализма—натурализмъ—съ его вырисовываніемъ деталей — предоставляетъ читателю лишь простое созерцаніе, при которомъ каждая мелочь становится важна сама по себѣ, каждая безобразная линія выпукло обрисовывается въ незанятомъ ничѣмъ другимъ пространствѣ и непріятно поражаетъ чувство. Натурализмъ—это искусство описательное по преимуществу, въ какихъ-бы фор-

махъ и родахъ поэзіи оно ни воплощалось. Въ этомъ отношеніи творчество Тургенева является синтезомъ между двумя вершинами литературы того времени.

Если Пушкина интересовалъ уже „фламандской школы пестрый соръ“, если онъ иногда съ любовью останавливался на описаніи деталей, какъ, напр., въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ при описаніи семьи Лариныхъ, ихъ образа жизни, костюма и утра Онѣгина, то, оживляя ими общую картину, онъ главное вниманіе читателя останавливалъ не на нихъ, а на томъ, что за ними скрывалось, на общемъ впечатлѣніи недостающихъ самой дѣйствительности красоты и благородства, воспринимаемыхъ интуитивно. Для Гоголя важна уже сама по себѣ дѣйствительность, ея изображеніе. Напрасно онъ старается заглянуть дальше, подглядѣть то, что скрывается за нею: его взоръ не имѣетъ той геніальной художественной прозорливости, которая была свойственна Пушкину; его талантъ изобразительный, чуждый художественныхъ обобщеній, захватывая широко, не можетъ подняться надъ матеріаломъ своихъ наблюденій. Поэтому дѣйствительность предстаетъ здѣсь оголенная художественной правдой.

Самая красота, къ которой стремится

Гоголь, особенно въ первый періодъ своего творчества подъ вліяніемъ романтизма и чаръ родной малороссійской природы, опьяняетъ насъ въ его произведеніяхъ своею реальностью, а пошлость и грязь изображаемой имъ въ „Мертвыхъ душахъ“ дѣйствительности подчасъ коробитъ наше эстетическое чувство своей яркой выпуклостью. Мы уходимъ здѣсь въ сторону отъ сѣрой дѣйствительности силой толчка, въ то время, какъ въ творчествѣ Пушкина и Тургенева интуиціей поднимаемся надъ ней. Эта рѣзкость въ очертаніяхъ и преобладаніе будничности въ изображеніяхъ у Гоголя, раскрывая лишь *одну сторону* истины, было чуждо Тургеневу, гармоническая натура котораго, созвучная съ Пушкинской, стремилась къ истинѣ *всецѣлой.* Въ своемъ письмѣ къ Дружинину Тургеневъ самъ высказываетъ это: „вы помните, что я, поклонникъ, малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента, въ противовѣсъ Гоголевскому. Стремленіе къ безпристрастію и къ истинѣ всецѣлой есть одно изъ немногихъ добрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ“. Но, помимо этого, въ творчествѣ этихъ трехъ писателей есть особен-

ность, отдѣляющая ихъ отъ эстетики романтизма и тѣмъ эволюціонно его обобщая. Трагическіе эффекты, умирающіе въ творчествѣ Пушкина и перешедшіе въ комическое въ творчествѣ Гоголя, совершенно исчезаютъ за правдой жизни, эффектной само по себѣ въ художественномъ отраженіи у Тургенева. Въ его произведеніяхъ нѣтъ мѣста богатству романтической фантазіи или восторгамъ возвышеннаго сердца, умиляющагося самимъ собой. Тургеневъ спокойно повѣствуетъ намъ о томъ, какъ одинъ помѣщикъ истязалъ двороваго, какъ другой разрушилъ счастье дѣвушки изъ-за каприза своей жены, угодить которой онъ серьезно считалъ счастьемъ для крестьянки; спокойно передаетъ разсказъ разореннаго помѣщикомъ мужичка въ „Малиновой водѣ“, говоритъ о томъ, какъ гибнутъ богатыя силы народныя, подавляемыя темнотой и безправіемъ въ „Бѣжинѣ лугѣ“. Всюду скрывается глубокая драма, не переходящая въ трагедію только потому, что рисуется все это на будничномъ фонѣ жизни, что это обычное явленіе въ русской народной жизни. Объективное спокойствіе художника-писателя не допускаетъ драматизма даже въ тонѣ, лишь изрѣдка прорывается оно, скрытое въ ка-

кой-либо маленькой, незначительной фразѣ, въ какомъ-нибудь невольно прорвавшемся штрихѣ. До эффекта-ли мужичку, разсказывающему о смерти сына-извозчика, вносившаго за него тяжелый оброкъ, о своемъ хожденіи къ барину въ Москву съ просьбой, чтобы онъ сбавилъ его, о томъ какъ тотъ его прогналъ, отдавая тѣмъ въ руки приказчика и т. д.? „Мужикъ“, — говоритъ Тургеневъ, — „разсказывалъ намъ все это съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла, но на маленькіе и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его поддергивало“. Даже дурачекъ Степа, знавшій одну заботу о собственномъ пропитаніи, которое доставалось ему съ большимъ трудомъ, и тотъ заговорилъ, заговорило, конечно, и сердце слушателя, и сердце читателя. Вспомнимъ также безобразную сцену въ конторѣ, которую Тургеневъ заканчиваетъ такими, повидимому, спокойными, но показывающими внутреннее волненіе, словами. „Недѣлю спустя я узналъ, что госпожа Лоснякова оставила и Павла, и Николая у себя въ услуженіи, а дѣвку Татьяну сослала: видно *не понадобилась*“.

Сколько трагизма разлито въ „Бирюкѣ“, въ его неудавшейся семейной жизни, въ его обязанности идти противъ своихъ же братьевъ

крестьянъ; въ мужичкѣ, котораго поймалъ Бирюкъ въ помѣщичьемъ лѣсу, когда онъ рубилъ тамъ для себя дерево! „Отпусти... съ голодухи... отпусти“. „Ей Богу съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто во какъ приходится“. „Лошаденку,—продолжалъ мужикъ, — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!“—и цѣлый рядъ воплей истерзаннаго нуждой человѣка, доходящаго до отчаянія, раздается въ душной и тѣсной избѣ Бирюка.

Писатель заканчиваетъ это лишь своимъ обращеніемъ къ Бирюку, называя его славнымъ малымъ, послѣ того, какъ тотъ, самъ испытавъ муку долга совѣсти и долга служебной чести, борющихся между собою, отпускаетъ ругающаго его при концѣ сцены мужика. Эффекта нѣтъ, есть правда жизни, которая сама по силѣ своего впечатлѣнія, замѣняетъ эффектъ. Нѣтъ и трагедіи; это маленькая страничка изъ обыденной жизни нашего крестьянина, ничѣмъ особенно, кромѣ силы выраженія не выдѣляющаяся отъ прочаго въ его жизни. Останавливая насъ передъ этими картинками, писателю нечего прибѣгать къ искусственному сгущенію красокъ: ничего нѣтъ ярче правды жизни, ничего сильнѣе вызываемыхъ ею переживаній. Отсюда, быть можетъ, и идетъ упрекъ

Толстого, обращенный къ Тургеневу, въ банальности художественныхъ пріемовъ. Послѣдніе у объективныхъ писателей всегда стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ изображеній: банальность въ изображаемой дѣйствительности отмѣчается банальностью и въ пріемахъ. Иные художественные пріемы у Тургенева представляютъ какъ-бы сколокъ съ Гоголевскихъ; авторъ бралъ ихъ уже готовыми и употреблялъ ихъ тамъ, гдѣ природный юморъ могъ-бы оживить дѣйствіе, но существенной роли въ его творчествѣ эти пріемы не играли. Вообще же банальность у Тургенева Толстой понималъ вѣрно, въ смыслѣ того выхоленнаго изящества стиля, которое, напоминая о художественномъ аристократизмѣ, претило Толстому, какъ демократу по натурѣ.

Тонкое вниманіе къ языку и стилю замѣтно вездѣ у Тургенева; несомнѣнно, что оно было тѣсно связано у него съ уваженіемъ къ литературѣ, съ его вѣрой въ великую историческую и общественную роль ея.

Въ интересахъ правды Тургеневъ избѣгаетъ, какъ въ изображеніяхъ, такъ и въ описаніяхъ, всякой неопредѣленности, которая ведетъ къ различнымъ толкованіямъ, и, слѣдовательно, открываетъ возможность извращенія. Неопредѣленность чужда мы-

слительному складу Тургенева и потому, что онъ, по собственному его признанію, исходитъ въ своемъ творчествѣ отъ образовъ, а не отъ идей. Образы само собой требуютъ уже опредѣленности, которая можетъ не быть у идей. Что Тургенева интересуетъ прежде всего образъ, это видно изъ его опредѣленія художественнаго объективизма, въ которомъ *наружный* видъ предмета играетъ большую роль, и изъ самихъ „Записокъ охотника“. Въ центрѣ творчества Тургенева прежде всего стоитъ личность, и онъ подробно описываетъ ея физіономію, костюмъ, жизненную обстановку *).

Правда, при умѣніи пользоваться словомъ, при стилѣ, живо запечатлѣвающемъ черты художественныхъ образовъ, — эти описанія никогда не расплываются въ скучные протоколы, которыми такъ богата русская литература бытового періода. „Правда воздухъ, безъ котораго дышать нельзя, но художество—растеніе иногда даже довольно

*) „Когда я заинтересовываюсь какимъ-либо характеромъ,—говорилъ Тургеневъ,—онъ овладѣваетъ моимъ умомъ, онъ преслѣдуетъ меня днемъ и ночью, и не оставляетъ меня въ покоѣ, пока я не отдѣлаюсь отъ него. Когда я читаю, онъ шепчетъ мнѣ на ухо свои мнѣнія о прочитанномъ, когда я иду гулять, онъ высказываетъ свои сужденія обо всемъ, что бы я ни услышалъ и ни увидѣлъ. Наконецъ мнѣ приходится сдаваться—я сажусь и пишу его біографію“.

причудливое, которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ“, пишетъ самъ Тургеневъ въ своемъ письмѣ къ Полонскому. Описаніе у Тургенева имѣетъ свою особую самоцѣнность и никогда не пригоняется подъ единство впечатлѣнія: оно получается изъ-подъ его пера какъ то само собой, свободно и не отдѣляется отъ самого разсказа, идетъ рядомъ съ нимъ. Авторъ бросаетъ свои описательные штрихи по мѣрѣ знакомства съ даннымъ лицомъ или предметомъ, словно самъ присматривается еще къ нему. Отъ этого получается нѣкоторая разбросанность ихъ. Такой пріемъ художественнаго творчества отличаетъ Тургенева какъ отъ современной ему литературы, такъ называемаго „гоголевскаго“ періода, когда большей частью описаніе даннаго лица или предмета предшествовало разсказу о немъ, такъ и отъ современной намъ, когда описаніе бросается небрежно, гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, и жизнь интеллекта поглощаетъ все вниманіе писателя. Тургеневъ уравновѣшиваетъ въ своемъ творчествѣ и то и другое; поэтому въ своемъ конечномъ результатѣ—получаемомъ отъ него впечатлѣніи,—оно полно гармоніи. Такъ, напр., въ „Хорѣ и Калинычѣ“, для того, чтобы представить полное описаніе дѣйствующихъ лицъ, чита-

тель не долженъ останавливаться на брошенныхъ вначалѣ описательныхъ штрихахъ; онъ долженъ ловить и отмѣчать отдѣльныя черточки, разсѣянныя по всему разсказу. При описаніи Калиныча Тургеневъ говоритъ вначалѣ: „Его добродушное, смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда“, и далѣе: „Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно напѣвалъ вполголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукой за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченіе дня онъ не разъ заговаривалъ со мной, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ“. Затѣмъ, сказавъ еще о кротости и ясности во взорѣ Калиныча, авторъ переходитъ къ описанію Хоря, знакомства съ нимъ, характернаго для практика, обладающаго большимъ природнымъ умомъ, разговора. Маленькими, неопредѣленными штрихами очерчивается семейная обстановка и затѣмъ идетъ опять возвращеніе къ Калинычу, который при своей параллели съ Хоремъ по-

лучаетъ дополнительную характеристику и сверхъ того независимо отъ сравненія нѣсколько новыхъ штриховъ, какъ-то, что Калинычъ имѣлъ „легкую“ руку, заговаривалъ кровь, выгонялъ червей,—преимущества, которыя признавалъ за нимъ Хорь, несмотря на свой скептицизмъ (чѣмъ въ свою очередь пополняется и характеристика Хоря). Здѣсь вообще нельзя отдѣлить описанія отъ разсказа, это цѣлая этнографическая картинка. Тѣ же художественные пріемы наблюдаются и въ „Сосѣдѣ Радиловѣ“. При первомъ его появленіи авторъ бросаетъ лишь два описательныхъ штриха: „человѣкъ высокаго росту, съ усами“, и почти въ концѣ разсказа о своемъ визитѣ къ нему возвращается къ полному описанію Радилова, связанному съ жизнью его души. Никогда не забывается у Тургенева за событіями и переживаніями живое лицо.

Ужъ какъ ярко раскрываются общественныя язвы въ „Однодворцѣ Овсянниковѣ“, а все-таки писатель ни на минуту не отвлекаетъ своего вниманія отъ жизненныхъ образовъ, проходящихъ передъ нами. Словно живые встаютъ съ страницъ „Записокъ охотника“ помѣщики-самодуры, либералы изъ „новыхъ“, не идущіе дальше краснаго словца. Если вспомнимъ, какъ го-

рячо относился Тургеневъ къ этимъ вопросамъ, то станетъ понятно, что только силой художественнаго таланта можно было удержать здѣсь писателю необходимый для художественнаго творчества его объективизмъ. Тургеневъ вѣрилъ, что художественное творчество, какъ живое свидѣтельство, убѣдительнѣе всякихъ теоретическихъ доказательствъ, хотя бы это касалось математической формулы $2 \times 2 = 4$, и помимо природныхъ свойствъ своего творческаго мышленія, влекущаго его къ созиданію образовъ, онъ шелъ по этому пути и сознательно. О справедливости такого предположенія говоритъ замѣчательная выдержанность Тургенева въ этомъ отношеніи на протяженіи всей его литературной дѣятельности, несмотря на бурное жизненное кипѣніе, съ которымъ ему пришлось столкнуться. „У меня литературное произведеніе выходитъ такъ, какъ трава растетъ" — заявляетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ. Но это заявленіе писателя слѣдуетъ понимать, какъ отсутствіе всякой *надуманности* въ произведеніяхъ, замѣняющей у другихъ недостатокъ художественнаго чутья, но не какъ продуманность художественныхъ пріемовъ, къ которымъ такъ строгъ былъ ученикъ Пушкина.

„Если не ошибаюсь,—писалъ Бѣлинскій Тургеневу послѣ появленія „Хоря и Калиныча“,—ваше призваніе наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію“. Этимъ знаменитый критикъ опредѣлилъ сущность творчества Тургенева съ свойственной ему прозорливостью. Тургенева интересовала именно эта дѣйствительность: онъ воспринималъ ее въ себя и творилъ изъ нея. Жизнь и ея вѣчное, неустанное движеніе И. С. любилъ наблюдать и для того часто отдалялся нѣсколько отъ нея, чтобы стать на необходимое для наблюденія разстояніе. Въ самый разгаръ французской революціи онъ былъ ея свидѣтелемъ, но отдаетъ ей дань небольшими набросками лишь впослѣдствіи. Не вмѣшиваясь въ кипящую вокругъ борьбу, не захваченный этой единичной силой жизни, наблюдаетъ онъ общее ея движеніе. „Я не могу видѣть безъ волненія, пишетъ Тургеневъ 1-го мая 1848 г. г-жѣ Віардо,—какъ вѣтка, покрытая молодыми зеленѣющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небѣ. Почему? Да, почему? По причинѣ-ли контраста между этой маленькой вѣткой, живущею, колеблющеюся отъ самаго небольшого дуновенія, которую я могу сломать, и она должна умереть, но

„Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ, мѣстами, какъ сталь блисталъ на солнцѣ.“

(*„Льговъ“*).

которую благодѣтельный сокъ оживляетъ и окрашиваетъ,—и этой вѣчной и пустой безпредѣльностью, этимъ небомъ, которое только благодаря землѣ сине и лучезарно. Ахъ, я не выношу неба, но жизнь, ея реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея быстро преходящую красоту... все это я обожаю. Я прикрѣпленъ къ землѣ. Я предпочитаю созерцать торопливыя движенія влажной лапки утки, которою она чешетъ себѣ затылокъ на краю лужи, или длинныя и блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной коровы, только что напившейся воды изъ пруда, куда она вошла по колѣно, — всему, что можно видѣть въ небѣ!“ Даже въ описаніи природы, которыя полны у Тургенева чарующей прелести, онъ нигдѣ не останавливается на какомъ-либо застывшемъ въ неподвижности моментѣ, а всегда изображаетъ движеніе, которое само по себѣ говоритъ о жизни природы. Такъ, напр., въ началѣ „Бѣжина луга“ мы встрѣчаемъ описаніе іюльскаго дня. Указывая его типичность для тѣхъ дней, когда погода устанавливается надолго и, такимъ образомъ, расширивъ значеніе описываемой имъ красоты, Тургеневъ ведетъ описаніе такъ, что мы видимъ жизнь этой красоты: онъ беретъ

не одинъ ея моментъ, а рядъ смѣняющихся моментовъ, и мы наблюдаемъ ихъ жизненное движеніе. „Съ самаго ранняго утра“, пишетъ онъ вначалѣ разсказа, „небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ, она *разливается* кроткимъ румянцемъ“. Солнце „мирно *всплываетъ* подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо *просіяетъ* и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній тонкій край растянутаго облачка *засверкаетъ* змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра... Но вотъ опять *хлынули* играющіе лучи,—и весело, и величаво, словно *взлетая*, *поднимается* могучее свѣтило“.

Природа у Тургенева живетъ и движется вмѣстѣ съ человѣкомъ. Мы видимъ смѣну ея моментовъ въ дальнѣйшемъ путешествіи охотника; гдѣ не можетъ быть смѣны моментовъ, тамъ для оживленія природы приводится смѣна ея картинъ, которая производитъ то же впечатлѣніе біенія жизни въ ея сердцѣ. „Быстрыми шагами прошелъ я длинную площадь кустовъ“,—пишетъ Тургеневъ въ „Бѣжиномъ лугѣ“,—взобрался на холмъ и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина, прямо

напротивъ крутой стѣной возвышался осинникъ“. За осинникомъ идетъ Синдѣевская роща, дальше лощина, смѣна холмовъ, безконечныя поля, крутой обрывъ и, наконецъ, „Бѣжинъ лугъ“.

То же самое встрѣчаемъ мы и при описанiи природы въ разсказѣ „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“. „Направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленiи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревья; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки, торчатъ на глыбочкахъ“ и т. д.

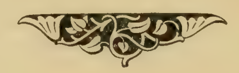
Та же жизнь и движенiе сопутствуютъ описанiю природы въ разсказахъ „Лѣсъ и Степь“, „Касьянъ съ Красивой Мечи“ и въ другихъ произведенiяхъ Тургенева. Но природа у Тургенева, какъ и у Пушкина и у Гоголя, живетъ своею особою жизнью, связанной съ человѣческой лишь въ движенiи, но не одухотворяемой ея переживанiями. „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, говоритъ природа человѣку, я царствую, а ты хлопочи какъ бы не умереть“, пишетъ Тургеневъ въ „Поѣздкѣ въ Полѣсье“. Гораздо тѣснѣе связанъ у Тургенева съ человѣческимъ

міромъ животный, одушевляемый одними и тѣми же эпитетами. Въ этомъ сказалась натура страстнаго охотника, оживающаго душой при соприкосновеніи съ наблюдаемымъ имъ міромъ. Особенно можно замѣтить это въ описаніи собакъ, неразлучныхъ, конечно, съ охотникомъ. Такъ, въ „Ермолаѣ и Мельничихѣ“ описывается Валетка: замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ...

Если бъ рѣчь шла не о собакѣ, я бы употребилъ слово „разочарованность“. „Онъ никогда, говоритъ Тургеневъ, не улыбался“ и т. п. Въ „Бѣжинѣ Лугѣ“ собака—другъ охотника, съ которой онъ по-человѣчески разговариваетъ; человѣческіе эпитеты переносятся у Тургенева вообще на все одушевленное: онъ говоритъ о „задумчивыхъ“ тараканахъ, о собакѣ, зарычавшей съ „достоинствомъ“, о свиньѣ, „задумчиво хрюкающей“, о „сконфуженномъ“ пѣтухѣ и т. п. Вообще ко всему живому Тургеневъ относится съ любовью и вниманіемъ, какъ къ цѣнности самой по себѣ. Къ природѣ онъ привлекалъ наше вниманіе ея красотой, къ міру животныхъ сочувствіемъ къ его переживаніямъ, жизненную связь которыхъ съ нами онъ расширялъ и углублялъ своей

творческой фантазіей. Крѣпкую основу этой связи Тургеневъ указалъ въ „Касьянѣ съ Красивой Мечи“. „Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить“. Изъ этого маленькаго, но характернаго для народнаго міросозерцанія замѣчанія, мы видимъ, что живая любовь ко всему живому коренится не только въ природной мягкости и задушевности характера Тургенева, но вынесена она имъ изъ народной глуби, изъ непосредственнаго общенія съ тѣмъ общественнымъ слоемъ, который въ своемъ тѣсномъ соприкосновеніи съ землей—кормилицей дышетъ одною съ нею жизнью. Здѣсь разгадка, какъ совмѣщаются въ талантѣ Тургенева его чарующая прелесть съ той безыскусственной простотой, съ которой мы встрѣчаемся въ „Запискахъ охотника“. Тихо журчащая всюду жизнь и на фонѣ ея человѣческая личность, связанная съ окружающимъ тысячью живыхъ нитей, красота единства, облагораживающая и смягчающая всѣ недочеты жизни—вотъ скрытая тайна художественной прелести произведеній Тургенева. Сопутствующее этому чувство всепроникающаго гуманизма вноситъ сюда тона задушевности, которыя входятъ въ сердце читателя и, чаруя его своими ласкающими красками, подчиняютъ себѣ. Кто вни-

мательно читалъ „Записки охотника“, проникся ихъ духомъ, для того уваженіе къ человѣческой личности является естественной потребностью души. Недаромъ Александръ II сказалъ, что это его настольная книга.

Глава IV.

Крѣпостничество и впитываемый имъ въ общественныя отношенія ядъ, который разлагающимъ образомъ дѣйствовалъ на его отдѣльныхъ членовъ — вотъ та картина общественной жизни, которая занимала Тургенева въ моментъ созданія „Записокъ охотника“. Она нашла въ нихъ свое художественное изображеніе. Главнымъ объектомъ вниманія Тургенева является здѣсь крѣпостной мужикъ, его обликъ, его духовный складъ. Онъ отмѣчалъ въ этомъ мужикѣ то, что роднило его съ интеллигентной душой, отдалившейся отъ крестьянскаго міра въ своемъ барствѣ, но тѣсно связанной съ нимъ на почвѣ общечеловѣческихъ чувствъ. Мелкимъ художественнымъ отблескомъ освѣщаетъ Тургеневъ

глубины народнаго міропониманія, давая легкій празрачный намекъ, на скрытые еще отъ нашихъ глазъ тайники народнаго духа и силъ.

Какъ отрава дѣйствовало барство на поднимающійся надъ крестьянствомъ слой. Оно разслабляло его праздностью, развращало ненормальностью отношеній, при которой допускалось попираніе чужой человѣческой личности, огрубляло опьяненіемъ власти и волей самодурства. Тургеневъ недаромъ, самъ будучи помѣщикомъ, бѣжалъ отъ окружающаго, чувствуя, что задыхается. Въ „Запискахъ охотника“ онъ рисуетъ рядъ помѣщиковъ - рабовладѣльцевъ. Вотъ г. Полутыкинъ въ „Хорѣ и Калинычѣ“. Онъ охотится въ свое удовольствіе, захвативъ съ собою крѣпостного мужика, котораго оттягиваетъ, такимъ образомъ, отъ хозяйства, отчего оно приходитъ у него въ запущеніе. По признанію самого г. Полутыкина Калинычъ „усердный и услужливый мужикъ.“ Безъ него Полутыкинъ и шагу ступить не можетъ, но, спокойно пользуясь услугами и преданностью Калиныча, г. Полутыкинъ даже не думаетъ о благодарности. „Въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ“, смѣется надъ безотвѣтностью Калиныча Хорь. Какое же

преимущество у г. Полутыкина надъ его крѣпостными—идеалистомъ и романтикомъ Калинычемъ и административной головой, „раціоналистомъ“ Хоремъ? Вотъ общая характеристика г. Полутыкина. Отличный охотникъ, онъ сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи, получалъ отказъ отъ руки и дому, любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, „который, несмотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ рѣшительно никогда никого не смѣшилъ“; хвалилъ соч. Акима Нахимова и повѣсть *Пинну*; заикался; называлъ свою собаку Астрономомъ; „вмѣсто *однако* говорилъ *одначе*“ и т. п. На какихъ же правахъ владѣлъ этими людьми г. Полутыкинъ? Даже природа по своимъ дарамъ не дала ему преимущества надъ ними. Калинычъ и Хорь превосходили его: одинъ по своей беззавѣтной преданности, другой по своей дѣловитости и чувству справедливости, возмущающемуся за Калиныча. А вотъ г. Звѣрковъ, разсказывающій маленькій анекдотецъ о своей „добрѣйшей“ женѣ и ея горничной Аринѣ, которая, вмѣсто благодарности за то, что ее маленькой дѣвочкой оторвали отъ родной семьи и увезли Богъ вѣсть куда, вдругъ полюбила человѣка изъ своей же дворовой братіи и смѣла проявить

это человѣческое чувство будучи рабой. Не любящій „полумѣръ“ господинъ Звѣрковъ разсудилъ, что Петрушка не виноватъ, хотя его и „можно наказать;“ а Арину—эту страшную, по его мнѣнію, преступницу—приказалъ остричь и сослать въ деревню. Притомъ Звѣрковъ жалѣетъ жену, лишившуюся отличной горничной, точно такъ же, какъ нѣкогда Митрофанушка жалѣлъ матушку, что она била батюшку и очень отъ этого устала. Понятія у нашихъ дворянскихъ недорослей и послѣ университета, какъ видимо, оставались, благодаря условію крѣпостной жизни, тѣми же, что и у Митрофанушки послѣ кутейкинской и цифиркинской науки. Вліянія семейной обстановки и развращающая праздность при матеріальной обезпеченности, при отсутствіи даже теоретическаго уваженія къ труду въ лицѣ подвластнаго крестьянина, все это быстро стирало слѣды молодого благородства, схваченныя налету либеральныя понятія. „Вѣдь вотъ, вы, можетъ, знаете Королева Александра Владиміровича? разсказываетъ однодворецъ Овсянниковъ, —чѣмъ не дворянинъ? Собой красавецъ богатъ, въ „ниверситетахъ“ обучался, кажись и за границей побывалъ, говоритъ плавно, скромно, всѣмъ намъ руки жметъ. При размежеваніи онъ такъ

говорилъ, что за душу забирало. Дворянето всѣ носы повѣсили,—говоритъ Овсянниковъ,—я самъ ей-ей чуть не прослезился. Право слово въ старинныхъ книгахъ такихъ рѣчей не бываетъ. А чѣмъ кончилось? Самъ четерехъ десятинъ мохового болота не уступилъ и продать не захотѣлъ!" Чѣмъ не либералъ Мардарій Аполлоновичъ, чѣмъ не европеецъ по своей внѣшности и манерамъ, свойственнымъ человѣку, прошедшему благородную школу цивилизаціи? Но какъ славно онъ сѣчетъ своихъ дворовыхъ, даже съ причмокиваніемъ „чуки — чукъ", словомъ, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой". Онъ искренно удивленъ и обиженъ почудившимся ему упрекомъ собесѣдника. И дворовый съ внушеннымъ ему „европейскимъ" бариномъ рабьимъ чувствомъ вполнѣ проникается необходимостью такой мѣры. А Аркадій Павловичъ Пѣночкинъ, усмиряющій „бунтъ" въ „Бурмистрѣ", развѣ это не любопытная фигура? Онъ закладываетъ руки въ карманъ только тогда, когда вспоминаетъ о собесѣдникѣ; если бы не это, не сдобровать бы физіономіямъ, бывшимъ передъ нимъ.

Жизнь шла впередъ помимо этихъ людей и получалось какое-то странное явленіе. Одни, захваченные какимъ-либо ея те-

ченіемъ, но связанные крѣпостнымъ правомъ, представляли какую-то смѣсь варварства и поверхностнаго интеллигентства. Другіе, какъ Радиловъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Чертопхановъ занимались своею личностью, безсильнымъ копаніемъ въ ней, какъ Гамлетъ, ея счастьемъ, какъ Радиловъ, ея своенравными капризами, какъ Чертопхановъ. Но уже нарождался и новый типъ, котораго съ любопытствомъ и удивленіемъ отмѣчаетъ однодворецъ Овсянниковъ. Василій Николаевичъ удивилъ своихъ крестьянъ при первомъ же знакомствѣ съ ними: „ходитъ баринъ въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой; рубаху простую надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской, бороду отпустилъ, а на головѣ така шапонька мудреная и лицо такое мудреное, — пьянъ не пьянъ, а и не въ своемъ умѣ. „Здорово“, говоритъ, „ребята? Богъ вамъ помощь“, мужики ему въ поясъ,—только молча: заробѣли, знаете. И онъ словно самъ робѣетъ. Сталъ онъ имъ рѣчь держать:—Я де русскій, говоритъ, и вы русскіе, я русское все люблю: русская, дескать, у меня душа и кровь тоже русская... Да вдругъ какъ скомандуетъ: „а ну, дѣтки, спойте-ка русскую народственную пѣсню?“ У мужиковъ поджилки затряслись; вовсе

одурѣли. Одинъ было смѣльчакъ запѣлъ да и присѣлъ тотчасъ къ землѣ, за другихъ спрятался". И удивляется Овсянниковъ: были и раньше помѣщики - самодуры, одѣвались для маскарада кучерами, плясали сами и на гитарѣ играли, и съ крестьянами и съ дворовыми пировали, но Василій Николаевичъ словно красная дѣвица: „все книги читаетъ или пишетъ, а не то вслухъ канты произноситъ, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится, знай себѣ по саду гуляетъ, словно скучаетъ или груститъ" *). И не вѣритъ старый Овсянниковъ объясненію собесѣдника, что г. Любозвоновъ боленъ: „Молодые господа, замѣчаетъ онъ еще раньше, прежнихъ порядковъ не любятъ: я ихъ хвалю... Пора за умъ взяться. Только вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ какъ съ куклой поступаютъ, повертятъ, повертятъ, поломаютъ да и бросятъ. При всѣхъ этихъ характеристикахъ ясно выступаютъ два типа: 1-й—личность не доросла еще до самосознанія—это помѣщики стараго пошиба, травившіе людей собаками, бравшіе всюду силой и кулачной расправой, заставлявшіе трепетать передъ собой мелкопомѣстныхъ дворянъ, опаивавшіе лю-

*). Въ этомъ-же родѣ и Неклюдовъ въ „Утрѣ помѣщика" Л. Н. Толстого.

дей и разыгрывавшіе роль Хлестакова, о которыхъ разсказываетъ однодворецъ Овсянниковъ.—Здѣсь передъ нами одна грубая сила, времена варварства. Личность живетъ въ свое удовольствіе и не оглядывается ни на себя, ни на окружающее. Она безсмысленно трепещетъ передъ всѣмъ, что считаетъ силой и давитъ безсильныхъ. Въ такихъ условіяхъ растетъ и воспитывается молодое поколѣніе. Образованіе стираетъ съ него слѣды варварства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдніе остатки барской индивидуальности. Передъ нами жалкіе безсильные люди, привыкшіе къ дядькамъ и нянькамъ, къ готовымъ жизненнымъ положеніямъ, достающимся безъ труда, къ связаннымъ съ ними трафаретнымъ взглядамъ. Имъ трудно сдѣлать малѣйшій самостоятельный шагъ, имъ не дается смѣлое оригинальное слово. Это выбитые изъ колеи люди, лишенные собственной иниціативы, самосознанія. Законъ возмездія открылъ здѣсь свое страшное дѣйствіе: потомки людей, попиравшихъ человѣческую личность другихъ, не замѣтили, какъ разстоптали свою. Въ жалкихъ потугахъ прошло слѣдующее за ними поколѣніе, разбитое рефлексіей, замѣнившей дѣятельность, на которую оно, воспитанное въ барскихъ теплицахъ, не было способно.

Гамлетъ Щигровскаго уѣзда—это типъ, выросшій изъ нашихъ рабовладѣльческихъ нѣдръ.

Онъ страстно тоскуетъ по своей затерянной въ толпѣ личности, которую онъ безсильно всю свою жизнь искалъ, да такъ и не нашелъ; гдѣ же съ привычками барства, для котораго все заранѣе приготовлено, найти ее? ноги какъ-то само собою идутъ по проторенной тропинкѣ, руки по наслѣдственной привычкѣ праздно складываются, умъ боится труда самостоятельныхъ мыслей и пассивно воспринимаетъ готовое, вопреки желанію натужившейся личности.

„Я, должно быть, родился въ подражаніе другому... Ей Богу? Живу я тоже словно въ подражаніе разнымъ мною изученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу; и учился-то я, и влюбился, и женился, наконецъ, словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ,—кто его разберетъ?“

Передъ нами въ исповѣди этого человѣка муки рожденія человѣческой личности, поднимавшейся надъ все сравнивающей пеленой барства и праздности. Пасивное восприниманіе всего окружающаго замѣняется сознательнымъ отношеніемъ къ нему. Гамлетъ уже задается вопросомъ, что общаго

между Гегелевской энциклопедіей, которую онъ изучалъ вмѣстѣ со многими русскими юношами того времени, и русской жизнью? „И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку?“

На грызущій его вопросъ, зачѣмъ онъ не изучалъ русской жизни, вмѣсто того, чтобы ѣхать за границу, не опредѣлилъ своего мѣста въ ней, онъ, потомокъ людей, привыкшихъ ко всему готовому, съ горькой ироніей отвѣчаетъ: „гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ? Я бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то, да молчитъ она моя голубушка“. Да и какъ ему услышать, что говоритъ она, когда въ дѣтствѣ этотъ голосъ заглушается розгами, въ университетѣ кружками, гдѣ за безплодной болтовней забывается жизнь, при постоянномъ треніи другъ о друга стирается индивидуальность. А дальше совершеннолѣтіе, сдача имѣнія управляющему, поѣздка за границу, слушаніе лекцій у нѣмецкихъ профессоровъ, безтолковая бѣготня и такія же знакомства, такое же увлеченіе; потомъ опять Москва, безшабашная жизнь съ цвѣтами краснорѣчія; сплетня запутываетъ его въ

свои сѣти, и онъ уѣзжаетъ въ деревню. Здѣсь его ждутъ обычные падежи, недоимки, продажа съ публичнаго торга и т. д. Затѣмъ женитьба на сосѣдкѣ, постоянно вздыхавшей и томившейся, словомъ,—все, какъ у тысячи другихъ русскихъ людей.

Третированіе со стороны захватившихъ извѣстное положеніе не мѣшало Гамлету Щигровскаго уѣзда искать какихъ-то основаній къ уваженію своей личности, пока исправникъ окончательно не надоумилъ его своимъ поученіемъ при непочтительномъ отзывѣ о взяточникѣ Орбасановѣ:—„Знай сверчокъ свой шестокъ“ и вразумительное „ты“— были тѣмъ ушатомъ холодной воды, который окончательно отрезвилъ Гамлета отъ его увлеченій и оставилъ Гамлетомъ навсегда. Такъ не одного развѣнчала русская жизнь, ядовито разскрывающая безсиліе своихъ птенцовъ и выбрасывающая ихъ на свою широкую дорогу. Такими жертвами особенно богато время, когда, по выраженію одного изъ критиковъ этого періода, сталкивались „безпочвенная полуобразованность съ круглымъ невѣжествомъ“, и все это на фонѣ крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ взаимоотношеній. Конечно, за всѣ возникающія при этомъ недоразумѣнія и недоумѣнія русской жизни пришлось расплачи-

„Аль у тебя хозяйки нѣтъ?“ —спросилъ я его.

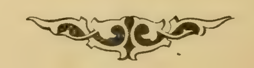
„Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала,—произнесъ онъ съ жесткой улыбкой. Дѣвочка потупилась: ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.“

„Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что-бы то ни стало освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ.“

(„Бирюкъ“).

ваться, какъ и всегда, русскому крестьянину, зависящему и въ жизни, и въ смерти отъ этихъ „недоразумѣвающихъ“ и недоумѣвающихъ господъ. Отдѣливъ отъ себя часть непосредственно сталкивающуюся съ жизнію барства—дворовыхъ людей,—крестьянство и при старыхъ, и при новыхъ господахъ сохраняло свои основныя черты и, всегда унижаемое, никогда не теряло оно сознанія своего человѣческаго достоинства, глубоко хранило въ своемъ сердцѣ попираемое въ отношеніи къ нему чувство человѣчности (проявляющееся у русскаго крестьянина иногда въ такихъ своеобразныхъ формахъ, какъ, напр., у Касьяна съ Красивой Мечи, въ его уваженіи къ крови, которую онъ называетъ „святой“ и считаетъ грѣхомъ показать ее на свѣтъ Божій). Но богатство духовное подавлено у народа стихійной силой, которая въ своемъ влеченіи, по однимъ ей вѣдомымъ законамъ, заставляетъ его проявляться въ жестокости неожиданно и безсмысленно. Поддаваясь стихійной силѣ, народъ иногда творитъ самъ, не вѣдая что, опираясь на влекущіе его къ этому инстинкты, какъ на законъ. Тургеневъ глубоко понималъ народъ, когда говорилъ Полонскому о возможности такой сцены: приходятъ крестьяне къ своимъ господамъ, которые,

быть можетъ, были лучшими изъ помѣщиковъ, и спокойно предлагаютъ имъ готовиться къ повѣшенью, словно совершая обычное дѣло; даже помолиться время даютъ... и все это безъ всякой мысли о жестокости, безъ всякаго злодѣйства натуры. Никакой идеализаціи народа, о которой поговаривали нѣкоторые наши критики, мы не встрѣчаемъ въ народныхъ типахъ Тургенева. Онъ затронулъ ихъ въ жизненной основѣ, захватилъ въ данномъ моментѣ развитія, отмѣтилъ впервые тѣ основы, которыя, получивъ болѣе яркую окраску при дальнѣйшемъ теченіи жизни, нашли свое изображеніе у другихъ писателей.

Глава V.

Литературные типы Тургенева въ предшествующей имъ русской литературѣ преемниковъ не имѣютъ, если не считать небольшой разсказикъ Герцена „Сорока воровка“.—Преемственность была только въ той идеѣ народничества, которая носилась

въ русской литературѣ еще со временъ Радищева и Новикова. Въ „Путешествіи“ Радищева мы слышимъ первый протестъ крѣпостничеству, первый отчаянный въ своей единичности зовъ къ человѣчности. Картины тяжелой жизни крестьянина уснащаются здѣсь сентиментальными изліяніями чувствъ автора, затемняющими образы и типы, что въ результатѣ мѣшало яркости впечатлѣній отъ самой картины. Фонвизинъ ставитъ коварные для крѣпостниковъ вопросы въ журналѣ Новикова: онъ спрашиваетъ объ отличіи рабской кости отъ господской; въ полукомической фигурѣ Простаковой бросаетъ ядовитую насмѣшку крѣпостничеству. „Бредитъ, бестія, точно благородная!“ восклицаетъ съ негодованіемъ г. Простакова, не примиряющаяся съ тѣмъ, что ея крѣпостная можетъ такъ же болѣть, какъ и она, и въ болѣзни ужъ не считается съ ея властью. Но задѣвается крѣпостное право Фонвизинымъ какъ-то мимоходомъ, словно, опасаясь чего. Въ концѣ, въ виду этого, является все разъясняющій Стародумъ и благодѣтельный поручикъ, спасающій опекой крестьянъ отъ Простаковой. Но этимъ опять подтверждается, что спасать надо. За Фонвизинымъ идея народничества воспринимается Карамзинымъ. Но

здѣсь передъ нами идиллія народной жизни, не типы, а маріонетки, тѣшащія фантазію писателя, но не соприкасающіяся непосредственно съ жизнію; по своему мягкосердечію и прекраснодушію творчество Карамзина старалось увѣрить, что все благополучно.

Стихи Жуковскаго опять-таки теоретически говорятъ о равенствѣ всѣхъ передъ смертью, о прелести деревенской жизни, о нравственномъ достоинствѣ крестьянина, для котораго жизнь это трудъ, объ одинаковой одаренности отъ природы, съ той разницей, что одни имѣютъ возможность развивать всѣ дары природы, а другіе—нѣтъ.

Пушкинъ со всей силой своего генія проявилъ сочувствіе къ народной жизни и свои размышленія надъ ней высказалъ въ „Деревнѣ“—стихотвореніи, ходившемъ долго по рукамъ и трогавшемъ сердца своею силой. Но типовъ народныхъ, кромѣ образа няни да дядьки Савельича, онъ не далъ. Идея народничества носилась и среди декабристовъ, въ проектѣ которыхъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости играло такую роль, что нѣкоторые члены этого общества указывали на эту статью проекта, какъ на главную побудительную причину ихъ вступленія въ него. Затѣмъ

поучительныя, въ дворянскомъ тонѣ, повѣсти Даля и сантиментально-слезливыя повѣсти Григоровича. Крестьянскіе образы у Григоровича также не типичны, типична лишь общая картина, да и то въ основныхъ чертахъ. Его „Антонъ Горемыка“, „Переселенцы“, „Рыбаки“, „Деревня“ — все это черезъ человѣческое страданіе вызываетъ сочувствіе къ народной жизни, раскрываетъ ея человѣческую сторону, закрытую отъ барскихъ глазъ. Но типично-народнаго въ смыслѣ психологіи съ свойственными ей индивидуально-народными черточками здѣсь нѣтъ. Смутно говоритъ объ этомъ старикъ въ „Рыбакахъ“; но, очевидно, художественной изобразительности еще не хватаетъ на жизненную передачу образа, на его воплощеніе въ художественныя формы. Бытовыя картины поглощаютъ вниманіе художника и новизна ихъ не даетъ возможности углубиться въ частности, въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ образовъ. То же самое можно сказать и о скорбной музѣ Некрасова: ей не до образовъ, не до типовъ: общая картина горя народной жизни подавила ее. „Записки охотника“ Тургенева появляются почти одновременно съ повѣстями Григоровича; но Тургеневъ вездѣ и всегда цѣнилъ прежде всего личность, она привлекала его твор-

ческое вниманіе: бытъ для него—это фонъ для личности; онъ интересуетъ Тургенева по силѣ вліянія его на личность, отраженія условій въ складѣ и развитіи личности и ея взаимноотношеній. Общая картина народной жизни получается у него сама собой изъ ряда отдѣльныхъ представителей этой жизни. Здѣсь сказывается творчество отъ образовъ, свойственное складу мышленія Тургенева. Въ „Хорѣ и Калинычѣ“ еще отразилась наивность молодого творчества, черты стараго романтизма, распредѣляющаго по рубрикамъ раціонализмъ и идеализмъ и обобщающаго ихъ въ высшихъ сравненіяхъ съ Сократомъ и съ Шиллеромъ (послѣдняго Тургеневъ сравнивалъ съ Калинычемъ; при печатаніи разсказа Плетневъ это вычеркнулъ); желаніе показать двѣ основныя черты народнаго и общечеловѣческаго уклада. Здѣсь еще занимаютъ автора не столько индивидуально-народныя черточки, сколько протестующее указаніе на человѣческое въ томъ, личность кого такъ безжалостно топтали до сихъ поръ. Художественной и жизненной наивностью звучитъ теперь для насъ вырвавшееся у Тургенева признаніе, когда онъ увидѣлъ Калиныча, входившаго къ Хорю съ пучкомъ земляники: „Признаюсь, я не ожидалъ такихъ

нѣжностей отъ мужика". Но подчасъ въ подчеркнутой идеализаціи этого перваго наброска изъ „Записокъ охотника" мы слышимъ тотъ протестующій тонъ, который не успѣлъ еще пройти черезъ художественную объективность, смягчающую рѣзкія черты. Художникъ еще не увѣренъ въ себѣ, самъ присматривается къ своимъ образамъ, и отъ повторнаго возвращенія къ нимъ страдаетъ тонкость художественныхъ линій; но эта неопытность писателя-художника выкупается силой впечатлѣнія передающаго жизнь и въ образахъ романтическаго построенія. Калинычъ и Хорь живое доказательство того, что у насъ „было рабство, но не было рабовъ", что тотъ жалкій и ничтожный образъ раба, къ которому презрительно относилось русское барство, созданъ праздной барской фантазіей для успокоенія собственной совѣсти, все-таки иногда глухо заговаривавшей объ общечеловѣческихъ правахъ изъ стыда человѣковладѣльчества. Русскій крестьянинъ смотрѣлъ на свою рабскую зависимость, какъ на извнѣ ему навязанное бремя, но въ душѣ онъ оставался всегда свободнымъ и зорко берегъ эту свободу отъ рабовладѣльческаго взгляда. Вспомнимъ разговоръ Тургенева съ Хоремъ. „Мы съ нимъ

толковали,—говоритъ Тургеневъ,—о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ... Онъ со мной все какъ-будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть, изъ осторожности".

Но все-таки въ результатѣ, „благодаря исключительности своего положенія, своей фактической независимости—замѣчаетъ Тургеневъ,—Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь". Это же сравнительно большая независимость позволяла ему безъ опаски держать себя такъ, что онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣиваясь изъ подъ длинныхъ своихъ усовъ. У него свои понятія и взгляды, твердо обоснованные не теоріей, какъ у г. Королева или Любозвонова, а опытомъ. „Хорь былъ, — говоритъ авторъ,—человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ". Онъ понималъ дѣйствительность, т. е. обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и прочими властями. „Онъ говорилъ мало, посмѣивался и разу-

мѣлъ про себя"; по опредѣленію автора, Хорь „ближе стоялъ къ людямъ, къ обществу". При разсказѣ охотника о заграницѣ его интересуютъ вопросы государственные, административные, онъ съ дѣловитостью „перебиралъ все по порядку". „Во время разсказа, — говоритъ авторъ, — Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что, дескать, это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо, это порядокъ". Насколько дѣловиты были эти замѣчанія, видно изъ того, что авторъ могъ, на основаніи своего разговора съ Калинычемъ и Хоремъ, прійти къ заключенію, что „Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ". Въ этихъ рѣчахъ звучала для автора, да и для читателя, увѣренность русскаго человѣка въ своей силѣ и крѣпости, при которой никакая ломка не страшна. И все это, несмотря на рабство, несмотря на Полутыкиныхъ, увеличивающихъ оброки и живущихъ за ихъ счетъ, „не жавши, не сѣявши", хотя и далеко имъ до невинной лиліи, которой одной предоставлялъ это право Христосъ. Отмѣчая и усердно подчеркивая человѣческое достоинство въ мужикѣ, авторъ, относясь съ уваженіемъ къ его личности, не играетъ съ нимъ въ ненужную для него

идеализацію тамъ, гдѣ видитъ прямое слѣдствіе, вѣкового уклада жизни съ ея тяжелой зависимостью и постояннымъ чувствомъ гнета. Скептикъ по натурѣ, Хорь поддается, однако, суевѣрію среды: онъ вѣритъ въ легкую руку Калиныча и проситъ его поставить новокупленную лошадь въ конюшню; онъ презираетъ женщинъ такъ же, какъ господинъ презираетъ его, какъ сильный презираетъ слабаго, считаетъ ихъ существомъ низшаго порядка. Къ грамотѣ относится съ опаской: изъ его многочисленной семьи грамоту знаетъ одинъ Ѳедя; особенной чистоты въ домѣ онъ не придерживается изъ убѣжденія „надо де избѣ жильемъ пахнуть“. При всемъ этомъ Хорь, однако, гораздо болѣе чувствуетъ себя на мѣстѣ въ жизни, чѣмъ г. Полутыкинъ и самъ охотникъ. Онъ прекрасно сознаетъ это: съ однимъ онъ явно хитритъ въ интересахъ самозащиты отъ его посягательствъ, другому—прямо и откровенно говоритъ въ отвѣтъ на признаніе его, что онъ больше занимается ружьемъ, чѣмъ своей вотчиной: „И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ да старосту мѣняй почаще“. Въ столкновеніи съ нимъ уже Тургенева удивило то, надъ чѣмъ впослѣдствіи недоумѣвалъ другой изслѣдователь.

глубинъ народной психики, Г. Успенскій (пока не пояснила ему эта развернувшаяся подъ его наблюденіемъ широкая картина народной жизни): Хорь, несмотря на достаточность, не откупался на волю, что удивило Тургенева; изъ его отвѣтовъ выяснилось для Тургенева только то, что Хорь „крѣпокъ на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ“. „Попалъ Хорь въ вольные люди“, продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто про себя, „кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и наибольшій“. Вотъ въ этой-то особенности русской жизни и заключалась разгадка многочисленныхъ интеллигентскихъ недоумѣній и недоразумѣній: для наблюдателя со стороны часто не была замѣтна эта трудная борьба отстаиванія своей личности народомъ, ея самозащита передъ мелкими хищниками, наполнявшими русскую жизнь и всюду засовывающими свои когти. Народу, съ такимъ трудомъ подъ гнетомъ рабства сберегшему свою душу, они особенно были страшны своей способностью пролѣзанія всюду: это была борьба льва съ комарами, доходящая до отчаянія. Практически Хорь со своею дѣловитостью прекрасно предвидѣлъ ея возникновеніе при порядкахъ русской жизни, съ которыми русскій крестьянинъ имѣлъ уже

возможность познакомиться на собственной шеѣ. Но наплывъ хищниковъ и дѣйствительно отчаянная борьба съ ними началась уже позже, послѣ общаго раскрѣпощенія; ея картину далъ намъ другой художникъ, отозвавшійся на новое народное горе — Г. И. Успенскій.

Совершенно другой типъ, но такъ же сохранившій свое человѣческое достоинство, со своей особой индивидуальностью, представляетъ Калинычъ—пріятель Хоря. Ни малѣйшей печати не наложило рабство на его духовный обликъ: онъ кроткаго и веселаго нрава, безпрестанно попѣваетъ вполголоса, беззаботно поглядываетъ во всѣ стороны, улыбается; съ удовольствіемъ отмѣчаетъ авторъ, что Калинычъ услуживаетъ безъ раболѣбства и нѣсколько разъ въ теченіе дня заговаривалъ съ нимъ, что само по себѣ являлось доказательствомъ отсутствія рабьяго страха. За бариномъ ходилъ, какъ за ребенкомъ; это не было подобострастіе раба: Калинычъ горячо защищаетъ г. Полутыкина передъ Хоремъ. Самъ Полутыкинъ характеризуетъ его, какъ „усерднаго и услужливаго мужика“; отсутствіе порядка въ хозяйствѣ Калиныча онъ самъ объясняетъ тѣмъ, что оттягиваетъ его отъ дѣла охотой. Да Калинычъ по натурѣ своей не

дѣлецъ, онъ мечтатель, идеалистъ, стоитъ, по опредѣленію автора, ближе къ природѣ; при разсказахъ охотника онъ заслушивается больше описаніями природы. Его близость къ ней выражается здѣсь въ своеобразной формѣ: онъ прислушивается къ ея тайнамъ; не зная объясненія ея силъ, онъ понимаетъ ихъ какъ что-то таинственное, и думаетъ, что для борьбы съ ними человѣку надо владѣть своей тайной; онъ заговариваетъ испугъ, бѣшенство, выгоняетъ червей, вѣритъ вмѣстѣ съ окружающими въ свою легкую руку, которую въ деревнѣ приписываютъ хорошему человѣку. Самъ по себѣ Калинычъ человѣкъ полуоторванный отъ земли, но такъ же, какъ и Касьянъ, съ любовью къ ней относящійся. Эту характерную и едва-ли не основную черту народной психики Тургеневъ отмѣтилъ легкими штрихами, бороздившими пока только верхній, не разрыхленный слой тѣхъ глубинъ, до которыхъ впослѣдствіи добрались наши писатели-народники. Горе и нужда здѣсь совсѣмъ затормозили человѣка, но крѣпкая, всевыносящая сила народнаго терпѣнія сказывается вездѣ: человѣкъ бьется до послѣдняго безъ жалобы, стыдясь жалѣнія; онъ разсказываетъ свое горе „съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла, го-

воритъ Тургеневъ о Власѣ въ „Малиновой водѣ“, но на маленькіе и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало. Даже всегда молчавшій Степушка заговорилъ было, силясь найти какой-то выходъ. Но Власъ знаетъ, что выхода ему никакого ужъ нѣтъ: онъ дошелъ до того предѣла, что и отчаянью нѣтъ мѣста. „Да мнѣ съ полугоря“, говоритъ онъ объ не взнесенномъ оброкѣ; взять-то съ меня нечего... Ужъ, братъ, какъ ты тамъ ни хитри, шалишь, безотвѣтная моя головка? Ужъ онъ тамъ, какъ ни мудри, Кантильянъ то Семеновичъ, а ужъ“... Голосъ его прерывается, онъ спѣшитъ перейти на другую тему. Въ общемъ Тургеневъ останавливалъ свое творческое вниманіе на людяхъ полуоторванныхъ отъ земли, отъ запутанныхъ въ этой землѣ корней, гдѣ общечеловѣческое уступаетъ мѣсто классовому, и человѣкъ является въ значительной степени, говоря грубо, результатомъ быта. Этотъ процессъ, несомнѣнно жизненный, претилъ духовному складу Тургенева. Въ оригинальномъ міросозерцаніи Касьяна онъ видитъ не особенности народныя, а чувство человѣчности, которое, глубоко таясь въ народѣ, превосходитъ всѣ наши предположенія. Въ живыхъ образахъ, нося-

щихся передъ нимъ, Тургеневъ отмѣтилъ эту черту въ формѣ обобщенной любви къ природѣ, при которой жизнь человѣка сливается съ окружающимъ. Но художественная задача Тургенева, при новизнѣ разрабатываемаго имъ матеріала—воплощенія въ живыхъ образахъ того, что до сихъ поръ носилось въ теоріи, — требовала большой осторожности въ выборѣ объектовъ творческаго вниманія. Освѣщая въ нихъ общечеловѣческія стороны, Тургеневу приходилось сталкиваться и съ тѣмъ, что являлось слѣдствіемъ особаго бытового уклада и такъ перепуталось въ своихъ причинныхъ отношеніяхъ, что мѣшало ясности художественнаго образа. Для Касьяна, какъ для представителя своей среды, характерно, что вмѣстѣ съ грѣхомъ передъ тѣмъ, что онъ называетъ „помогать смерти“, у него тѣсно сплетается понятіе о святости свободы. По его понятію грѣхъ убивать именно „вольную лѣсную птицу“. Онъ не жалѣетъ домашнихъ невольницъ, „Богомъ опредѣленныхъ для человѣка“. (На счетъ этого опредѣленія у крестьянства существуютъ свои твердыя понятія, безъ которыхъ оно въ полномъ недоумѣніи остановилось бы передъ массой явленій, съ которыми пока спокойно сживается). Самъ лишенный свободы, пере-

селенный съ „Красивой Мечи“, по которой онъ, видимо, груститъ,—Касьянъ платонически благоговѣетъ передъ ней: его человѣческая личность жадно тянется къ этой свободѣ, какъ къ воздуху, безъ котораго она задыхается. И тѣсно сплетается свобода у Касьяна съ понятіями довольства и справедливости, съ сказочной чудесной страной, „гдѣ живетъ птица Гамаюнъ, сладкогласная, съ деревъ листъ ни зимою не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ и гдѣ живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости“. Въ поиски этой чудесной страны хотѣлъ бы пойти Касьянъ и, по собственному его признанію, „не одинъ я грѣшный... много другихъ крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да!“... И кто изъ насъ не знаетъ этихъ народныхъ хожденій, буквальныхъ метаній народнаго духа, подавленнаго и силящагося прорваться на волю, чтобы свободно развернуться здѣсь. Вдали отъ своихъ угнетателей и усердныхъ опекуновъ его жизни крестьянинъ перестаетъ чувствовать себя той дробью, имѣющей право только на ¼ лошади, о которой говоритъ впослѣдствіи Успенскій. Крестьянинъ живо ощущаетъ свою человѣческую личность, стоящую въ

„Акулина была такъ хороша въ это мгновеніе: вся душа ея довѣрчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась, ластилась къ нему, а онъ... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ изъ бокового кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ; но какъ онъ ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носомъ—стеклышко все вываливалось и падало ему въ руку."

(„Свиданіе").

центрѣ вселенной и радуется ея рожденію вновь. „Много что-ли дома то высидишь? А вотъ какъ пойдешь, какъ пойдешь, — подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ“, говоритъ авторъ о Касьянѣ: — „и полегчитъ, право. Солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу то ты виднѣе, и поется то ладнѣе. Тутъ смотришь, — трава какая растетъ; ну, замѣтишь—сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя“. Въ этой чуткости и любви къ природѣ, при опирающемся на нее строѣ деревенской, народной жизни—великая сила русскаго крестьянства: оно сроднилось съ ея могуществомъ и, чувствуя себя господиномъ въ пользованіи дарами природы, никогда не примирится въ душѣ ни съ рабствомъ, ни съ униженіемъ своей человѣческой личности. Вотъ почему, быть можетъ, русскій крестьянинъ, вѣка терпѣвшій крѣпостное право съ его жестокостью, готовъ встать какъ одинъ человѣкъ при Колумбовомъ восклицаніи „земля!“ Здѣсь корни народной жизни, залогъ свободы и могущества народнаго духа.

Близость къ чарамъ и силамъ природы, которыя для темнаго ума, не знающаго ихъ причинной связи, представляются полными

таинственности, дѣйствуетъ мистически и на душу Касьяна и выражается исканіемъ отвѣтной таинственной силы въ человѣкѣ, которую только надо умѣть употребить точно такъ же, какъ видимъ мы это въ Калинычѣ. И тотъ и другой вѣрятъ слѣпо. „А кто вѣруетъ—спасется“,—говоритъ Касьянъ, и онъ заговариваетъ дичь, лечитъ и вѣрующихъ и скептиковъ, вродѣ Ермолая, травами. Языческія воззрѣнія на природу, обожествлявшія ея силы, борются съ христіанскими, ставящими человѣка въ непосредственную зависимость отъ Бога и возвышающими его надъ природой; въ результатѣ у Касьяна получается, что „одни чистыя травки—Божія, а другія, хотя и помогаютъ-то онѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ. Еще съ молитвой развѣ... Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруетъ спасется“. Но во всемъ этомъ больше поэзіи, чѣмъ суевѣрія съ его мрачной, подавляющей силой, какъ много поэзіи въ ловлѣ имъ соловьевъ „не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселіе“. И самое пониманіе человѣчности и гуманности облекается у него въ поэтическую форму: „великій грѣхъ показать свѣту кровь“, потому что, какъ говоритъ онъ раньше: „кровь солнышка

Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется“.

Въ отвращеніи отъ какого то ни было убійства Касьянъ силится найти какой то таинственный законъ, котораго лишь не понимая люди совершаютъ убійства. Онъ живо ощущаетъ въ себѣ существованіе этого закона человѣчности, не зная, что только его душа, открытая міру и природѣ, утончившаяся въ воспріятіяхъ трепетанія жизни, такъ до боли чувствительна къ ея пресѣченію. Когда Тургеневъ убиваетъ коростеля, Касьянъ вздрагиваетъ и закрываетъ глаза. Нѣжная чуткость его души сказывается и въ отношеніяхъ къ Аннушкѣ, слышится даже въ его голосѣ при обращеніи къ ней. Ермолай не сомнѣвается, что Касьянъ будетъ учить ее грамотѣ — такой „необыкновенный“ человѣкъ этотъ „юродивецъ“, поэтъ, составляющій рифмующія строки въ своей пѣсни. И странно становится при мысли, что эта нѣжная, чуткая душа, съ такой глубиной человѣчности, съ такимъ тонкимъ пониманіемъ красотъ природы и ея даровъ, съ такой жаждой самосовершенствованія своей личности, объединяющаяся въ сліяніи съ природой, отбрасывающая уже предразсудокъ, который стоитъ на пути прогресса въ народной жизни—подозрительное отно-

7*

шеніе къ грамотѣ и презрѣніе къ женщинѣ,—что этотъ человѣкъ во власти грубаго крѣпостническаго режима, бросающаго его изъ стороны въ сторону и терзающаго его душу.

Страшно подумать, какая отвѣтственность лежала на людяхъ, подавляющихъ своимъ гнетомъ такое богатство народныхъ силъ, топчащихъ ихъ. Касьянъ представляетъ уже собою личность, переросшую обычный укладъ жизни. Въ лицѣ его мы видимъ уже залогъ дальнѣйшаго развитія народныхъ силъ, которымъ бы представилась, наконецъ, возможность развернуться. Видимъ, какъ томится въ рабствѣ народная душа и какъ страстно ищетъ она путь къ свободѣ, свое проявленіе къ воплощенію въ жизни того нравственнаго идеала, по которому томится душа, со всѣхъ сторонъ подавленная несправедливостью и гнетомъ. Обезличить такихъ людей не могло крѣпостное право, они не входили вовсе въ установленную норму: отъ нихъ отказывались, какъ отказались и отъ Ермолая („Ермолай и Мельничиха“). Онъ болѣе связанъ предразсудками, но такъ же свободенъ въ проявленіяхъ своей личности. Какъ и Касьянъ, онъ рѣшилъ, что дома ничего хорошаго не высидишь, и шатался съ мѣста на

мѣсто. Тургеневъ говоритъ о немъ: „Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и шагалъ переваливаясь, улепетывалъ верстъ пятьдесятъ въ сутки". Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ и т. д. Много въ немъ безолаберщины, безтолковщины, какъ и въ его порхающей жизни, но постоянная бодрость всевыносящаго народнаго духа, живущаго постояннымъ порываніемъ къ свободному проявленію, окружаетъ этотъ образъ поэзіей, несмотря на прорывающуюся грубость и предразсудки среды. Противоположность мягкости и задушевности Калиныча, трепетавшаго передъ своей женой, и Касьяна, съ такой нѣжностью относящагося къ Аннушкѣ, Ермолай, возвращаясь домой разъ въ недѣлю, гдѣ въ дрянной и полуразвалившейся избенкѣ жила его жена, „перебиваясь кое-какъ и кое-чѣмъ", изъ беззаботнаго и добродушнаго человѣка превращался въ жестокаго и грубаго, „принималъ грозный и суровый видъ", жена трепетала отъ его взгляда, не знала, какъ и чѣмъ ему угодить. Признаки угрю-

мой свирѣпости авторъ замѣчалъ еще только тогда у Ермолая, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную птицу. Больше дня Ермолай никогда, говоритъ авторъ, не оставался дома, а на чужой сторонѣ превращался опять въ „Ермолку“, надъ которымъ всѣ чувствовали свое превосходство и, быть можетъ, потому именно, предполагаетъ Тургеневъ, дружелюбно съ нимъ разговаривали.

Очевидно, у Ермолая была своя особая впечатлительность: онъ полубезсознательно бѣжалъ оттуда, гдѣ грозило его человѣческой личности потерей. Сильная индивидуальность его не могла быть подавлена; съ потерей человѣческой личности она выдвигала звѣря, котораго Ермолай могъ бояться въ себѣ самомъ*). Безшабашная жизнь съ ея мимолетными симпатіями и нѣкоторой удалью въ сердечныхъ похожденіяхъ дорисовываютъ этотъ типъ.

Вообще проявить свою индивидуальность и дары природы, которыми надѣленъ человѣкъ изъ народа, имѣютъ возможность лица, такъ или иначе оторванныя отъ непосредственнаго столкновенія съ крѣпостничествомъ, освободившіяся отъ его гнета хотя на половину, но сохранившія въ душѣ

*) О звѣрѣ въ человѣкѣ заговорилъ Л. Андреевъ въ своихъ произведеніяхъ.

народный укладъ. Къ такому же разряду полуоторванныхъ отъ крѣпостническаго быта людей принадлежатъ и „пѣвцы“ съ ихъ меценатами, собравшимися въ кабакѣ „Притынномъ“—этомъ единственномъ, къ сожалѣнію, мѣстѣ отдыха и развлеченія русскаго крестьянства. Вотъ образы этихъ цѣнителей и любителей искусства, какъ рисуетъ ихъ Тургеневъ. Евграфъ Ивановъ, котораго всѣ называютъ Оболдуемъ („прозвище, по мнѣнію автора, очень приставшее къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ“). Это былъ, по краткому опредѣленію Тургенева, „загулявшій холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ давно отступились“ и „который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ, однако, средство каждый день покушать на чужой счетъ“. Типъ, какъ видимъ, по своей живучести, напоминающій Ермолая.

Безсмысленная болтовня, навязчивость, какая-то лихорадочность въ движеніяхъ и безпрестанный хохотъ дѣлали его несноснымъ, но у него было множество знакомыхъ, которые поили его чаемъ и виномъ, хотя онъ и не былъ забавникомъ: „не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не

сказалъ не только умнаго, но даже путнаго слова: все латошилъ да вралъ что ни попало—прямой Оболдуй!“ Съ нѣкоторымъ мракомъ неизвѣстности въ прошломъ выступаетъ Моргачъ. Авторъ узналъ только, что Моргачъ былъ когда-то кучеромъ у старой барыни, бѣжалъ съ ввѣренной ему тройкой лошадей и черезъ годъ, наскучивъ, видимо, бродячей жизнью, вернулся хромой, бросился барынѣ въ ноги, загладилъ свой проступокъ примѣрнымъ поведеніемъ, попалъ въ приказчики и послѣ смерти барыни оказался отпущеннымъ на волю, переписался въ мѣщане и разбогатѣлъ, снимая бакчи у сосѣдей. „Это человѣкъ,—говоритъ Тургеневъ, опытный, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе разсчетливый, это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ то же время предпріимчивъ, какъ лисица, болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другого заставитъ высказаться“, не прикидывается онъ и простачкомъ, никогда онъ не смотритъ просто, а все высматриваетъ. Онъ вѣритъ въ свое счастье и, дѣйствительно, ему, правда, послѣ долгаго обдумыванія, удаются самыя смѣлыя предпріятія. Онъ очень самоувѣренъ, „его не любятъ потому, что ему самому ни до

кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ“. 3-й поклонникъ искусства, Яковъ Турокъ, происходящій отъ плѣнной турчанки, „по душѣ художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію черпальщикъ на бумажной фабрикѣ“. Рядчикъ показался Тургеневу изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщаниномъ. Оригинальный типъ—ихъ товарищъ, котораго прозвали Дикимъ-Бариномъ. Видъ его вызвалъ у Тургенева чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Отъ всей его неуклюжей фигуры несло несокрушимымъ здоровьемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „какой-то своеобразной граціей“, происходившей, какъ предполагаетъ Тургеневъ, отъ спокойной увѣренности въ своемъ могуществѣ. Нельзя было опредѣлить, къ какому сословію онъ принадлежитъ (по позднѣйшей терминологіи авторъ, вѣрно, причислилъ бы его къ разночинцамъ). Никто не зналъ, откуда онъ; говорили, что онъ изъ однодворцевъ и былъ гдѣ-то раньше на службѣ; но самъ онъ былъ молчаливъ, угрюмъ и ни кому о себѣ не разсказывалъ. Онъ точно такъ же жилъ вольной птицей, какъ Ермолай и Оболдуй, ничѣмъ не занимаясь; но деньги, хотя и не большія, у него водились. Дикій-Баринъ пользовался большимъ вліяніемъ въ округѣ,

„почти не пилъ вина, не знался съ женщинами и страстно любилъ пѣніе“. Много было загадочнаго въ этомъ образѣ для Тургенева: „казалось, — говорилъ онъ, — какія-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ бы зная, что разъ поднявшись, вырвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя и все, до чего ни коснутся“, словно въ каждомъ изъ собравшейся компаніи была своя индивидуальность; общее у нихъ было то пониманіе сердцемъ прекраснаго въ искусствѣ, которое отразилось въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ съ ихъ гармоніей и смѣлыми переходами, ударяющими о струны души. Это не головные цѣнители, здѣсь „сердце само правду скажетъ“, и для выступающихъ пѣвцовъ эта правда страшнѣе всего: она не только въ публикѣ, она въ нихъ самихъ. Жизнь и искусство здѣсь не отдѣляются и по дѣятельному участію со стороны публики въ переходныхъ, важныхъ для голоса, мѣстахъ проявляющемуся въ видѣ подтягиваній и покрикиваній, мы видимъ, чувствуемъ, что достигнута высшая цѣль искусства — сліяніе въ одно всѣхъ переживаній, подчиненіе одному впечатлѣнію всѣхъ сердецъ. „Блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, пе-

рекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдій замирающій возгласъ — общій слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ". Такъ заканчиваетъ авторъ общее впечатлѣніе отъ пѣнія рядчика. Его соперникъ Яковъ не меньше прочихъ участвовалъ въ этихъ бурныхъ восторгахъ. Яковъ заранѣе еще волнуется передъ своимъ выступленіемъ, какъ истый артистъ, для котораго искусство — жизнь, да и ставитъ онъ на карту нѣчто большее, чѣмъ обыкновенный артистъ: искусство, скрашивающее ему жизнь—святыня души, съ которой онъ живѣе чувствуетъ себя человѣкомъ въ этой всеподавляющей атмосферѣ крѣпостничества, грубости внѣшней и душевной, безпроглядной тьмѣ народной жизни съ ея суевѣріями. Что для него это не просто забава, что онъ настоящій артистъ по своей природѣ, по глубокому чувству пониманія прекраснаго, мы видимъ изъ того, какъ онъ приступаетъ къ пѣнію. Онъ молчитъ, окидываетъ взоромъ все окружающее и закрываетъ лицо руками, словно, вбирая въ себя впечатлѣнія. Когда Яковъ открываетъ лицо, оно блѣдно, вѣки глазъ опущены, передъ нами переполненная настроеніемъ душа,—и вотъ звукъ за звукомъ несетъ отголоски настроенія на легкихъ

волнахъ въ сердца слушателей. Сначала они какъ будто еще сбиваются въ тѣснотѣ поднимающихся переживаній, но слушатели уже настораживаются, чувствуя скрытое богатство поднявшихся силъ. „Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ,—говоритъ авторъ,—онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ, но въ немъ была неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательная — безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, развивалась.“ „Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но, видимо, поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ“. Побѣда оказалась за Яковомъ, и рядчикъ призналъ ее открыто первый... Такъ, въ кабакѣ за бутылкой одурманивающаго зелья раскрывались дары богато-одаренныхъ душъ, чтобы потопить ихъ затѣмъ въ пьяномъ угарѣ. А за стѣнами кабака спокойно развертывалась русская дѣйствительность съ нестерпимымъ зноемъ лѣтняго дня, съ безнадежной придавленностью,

которая чувствовалась Тургеневымъ въ самой природѣ, съ бѣдностью, некультурностью русской жизни, надъ которой испоконъ вѣку висѣли плети и розги, насиліе надъ личностью во всѣхъ видахъ и возрастахъ, провожающее человѣка съ колыбели до могилы. „Антропка! Антропка — а—а!“ слышитъ авторъ чей-то дѣтскій окликъ въ „неподвижномъ, чутко дремлющемъ воздухѣ“. И на отвѣтный крикъ чего и зачѣмъ голосъ того же мальчика съ „радостнымъ озлобленіемъ и ругательствами“ отвѣчаетъ: „а затѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи—и—и—тъ“, послѣ чего второй голосъ ужъ не откликается. Этимъ жизненнымъ и въ то же время символическимъ наброскомъ заканчиваетъ Тургеневъ картину развернувшихся предъ нимъ богатыхъ природныхъ даровъ русскаго человѣка. Вспоминается при этомъ невольно Венера Милосская и сельскій учитель у Г. И. Успенскаго, задавшійся вопросомъ о ея значеніи. Писатель столкнулся здѣсь съ трудностью теоретическаго истолкованія значенія прекраснаго для грубой и некультурной среды, воспринимающей его чутьемъ, переживающей его въ глубинѣ такъ, что и на свѣтъ-то оно можетъ совсѣмъ не показаться. Живые образы въ „Пѣвцахъ“ Тургенева

даютъ прочувствовать то, что не поддается пока нашему интеллигентскому пониманію (и учителю Успенскаго пришлось прибѣгнуть въ концѣ къ интуиціи).

Какъ встрѣчаетъ первое появленіе духовныхъ силъ народа русская жизнь и при какихъ условіяхъ выростаютъ онѣ въ душѣ, говоритъ намъ другая художественная картинка—въ „Бѣжинѣ лугѣ", полная поэзіи и молодой свѣжести.

Охотникъ описываетъ здѣсь деревенскихъ ребятишекъ, съ которыми ему пришлось, заблудившись, случайно провести ночь въ полѣ, гдѣ они стерегли табунъ лошадей. По наружности и костюму каждаго изъ нихъ можно замѣтить слѣды довольства или нужды въ зависимости отъ положенія семьи. Не отцовскіе сапоги на Ѳедѣ и нѣкоторое деревенское франтовство въ костюмѣ даютъ возможность автору причислить его къ „богатой крестьянской семьѣ"; заплатанные порты на Павлушѣ говорятъ, очевидно, о противоположномъ. Старшему изъ мальчиковъ—Ѳедѣ было 14 лѣтъ; младшему Ванѣ—7. И эти пятеро ребятъ стерегутъ одни въ полѣ ночью лошадей! 12-ти-лѣтній Павлуша не боится съ хворостинкой въ рукѣ выѣхать одинъ противъ предполагаемыхъ волковъ. Некрасивый на видъ (всклокоченные

волосы, сѣрые глаза, широкія скулы, лицо блѣдное и рябое, голова съ пивной котелъ), онъ очень понравился Тургеневу своимъ прямымъ и умнымъ взглядомъ, той силой, которая звучала уже въ его голосѣ, а въ тотъ моментъ, когда онъ выѣхалъ противъ волковъ, Тургеневъ прямо залюбовался имъ: „его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердою рѣшимостью; въ немъ заранѣе видна недюжинная натура“. Онъ пассивно воспринимаетъ суевѣрія среды, не встрѣчая имъ противовѣса, но не поддается вполнѣ этимъ суевѣріямъ: его трезвая по природѣ натура чужда ихъ близкому восприниманію. Когда Павлушѣ замѣчаютъ, что послышавшійся ему изъ воды голосъ — плохая примѣта, онъ только машетъ рукою и говоритъ: „своей судьбы не минуешь“. Просто смотрятъ на жизнь и на смерть въ народной средѣ, гдѣ одна—не дорога, а другая—легка, и Павлуша воспринялъ эту мудрость болѣе зрѣлаго возраста. Не безъ юмора разсказываетъ онъ „о небесномъ предвидѣньи“, причемъ ни одна изъ характеристичныхъ деталей не ускользаетъ отъ него; виденъ свободный наблюдательный умъ ребенка, живо воспринимающій впечатлѣнія, способный при благопріятныхъ обстоятельствахъ къ богатому

развитію. Но что могла дать этому уму крѣпостническая обстановка? Какіе элементы для развитія могъ воспринять онъ въ темной, подавленной гнетомъ и суевѣріемъ, средѣ? Его здоровый, но не окрѣпшій еще умъ пока борется съ нимъ природными данными—трезвой наблюдательностью. Такъ, на разсказъ Кости о томъ, что когда онъ проходилъ поздней порой мимо бучила*), то тамъ что-то жалостливо застонало, Павлуша, отдаваясь общему въ народной средѣ характеру объясненій подобныхъ явленій, говоритъ, что въ запрошломъ лѣтѣ тамъ Акима лѣсника утопили въ бучилѣ,—„такъ, можетъ быть, его душа жалуется“.

Напугавъ этимъ Костю, онъ спокойно предлагаетъ другое предположеніе его трезваго по природѣ ума: „а то говорятъ, есть такія лягушки махонькія, которыя такъ жалобно кричатъ“. Костя поддается на сторону перваго предположенія, которое своей таинственностью скорѣе привлекаетъ его дѣтскую душу, уже подточенную къ тому-же нездоровыми плодами суевѣрія. Павлуша крѣпче душою, натурой, сильнѣе всѣхъ остальныхъ, собравшихся здѣсь мальчиковъ. Свободное развитіе этой богато одаренной

*) Ямы съ водой, оставшейся отъ весенняго половодья.

„Ну, подойди, подойди, заговорилъ старикъ: чего стыдишься? благодари тетку: прощенъ.“

(„Однодворецъ Овсянниковъ“).

натуры дало бы и богатые плоды, но все это гибнетъ подъ крѣпостническихъ игомъ, какъ гибло подъ нимъ много непочатыхъ народныхъ силъ, какъ гибнетъ и безъ него до сихъ поръ въ нашемъ крестьянствѣ богатая одаренность отъ природы при скудости жизни, при тяжести правовой неволи и томъ общественномъ устройствѣ, при которомъ личность русскаго крестьянина до сихъ поръ принижена и забита, а плоды его рукъ отданы въ руки хищниковъ, расхищающихъ народныя богатства. Чуткость къ красотѣ и прекрасному остается подъ спудомъ суевѣрія, нужды, бѣдности, и своимъ случайнымъ проявленіемъ говоритъ о томъ, какъ много гибнетъ духовнаго богатства народа. А мы проходимъ мимо и равнодушно. Въ самыхъ этихъ суевѣрныхъ страхахъ, въ ихъ передачѣ, хотя бы, напр., въ разсказѣ объ Ермилѣ, ѣдущемъ ночью съ говорящимъ барашкомъ о праведной душѣ, въ видѣ голубка, летящаго на небо—такъ мнсго поэзіи! Родная степь, красота лѣтней ночи лѣлѣютъ ее въ душѣ крестьянскихъ ребятъ. Они чутки къ прекрасному въ природѣ. „Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,— раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани;— гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся! Онъ выставилъ свое свѣжее личико

изъ-подъ рогожи, оперся на кулачекъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились".—И сколько душевной мягкости и самоотверженнаго благородства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; какъ трогательна, напр., уступка гостинца сестрѣ, потому что она „добренькая". Чѣмъ рознятся эти дѣти по своей одаренности, по своей натурѣ, съ вложенными въ нею добрыми задатками отъ интеллигентныхъ дѣтей, отъ тѣхъ „баричей", которые росли въ холѣ, воспитывались подъ руководствомъ гувернеровъ и гувернантокъ и боялись шагу ступить сами; чѣмъ ~~лучше~~ хуже они этихъ господскихъ дѣтей, которыя своимъ воспитаніемъ и образованіемъ, часто безтолковымъ, отнимаютъ послѣдніе гроши отъ бѣдной крестьянской семьи, выносящей на своихъ плечахъ тратящіяся безъ толку суммы на однихъ, въ то время, какъ ихъ дѣти съ семилѣтняго возраста идутъ уже на трудъ, не развившись физически, должны браться за тяготу жизни (Ильюша 12 лѣтъ уже работаетъ на фабрикѣ въ лѣсовщикахъ), остаются безъ присмотра, предоставленныя самимъ себѣ, безъ возможности развитія даже такихъ незаурядныхъ данныхъ, какъ у Павлуши. Онъ, какъ узналъ впослѣдствіи

авторъ, убился, упавъ съ лошади.—Это лишь одна изъ тѣхъ многочисленныхъ опасностей, которымъ Павлуша какъ крестьянскій мальчикъ, подвергался въ своемъ дѣтствѣ.

Въ чувствѣ красоты, въ природной мягкости души, скрывающейся подъ грубой оболочкой и въ своеобразномъ, но врожденномъ благородствѣ ея, Тургеневъ отмѣтилъ основную черту, роднящую два обособившихся по какому-то ужасному недоразумѣнію міра — интеллигенціи и народа. Печальную важность этой разобщенности для обѣихъ сторонъ въ отдѣльности и для хода русской общественной или, лучше сказать, нашей исторической жизни вообще, Тургеневъ предвидѣлъ уже тогда со всею ясностью. Считаться съ ней пришлось впослѣдствіи, и слѣды этой ужасной розни оставили и, быть можетъ, оставятъ еще много печальныхъ страницъ въ русской исторіи и русской общественности. Она повела къ дальнѣйшему раздробленію, выдвинувъ сознательный пролетаріатъ, ставшій между интеллигенціей и народомъ. Прогрессъ русской жизни безъ полнаго сліянія и взаимнаго пониманія разрозненныхъ сторонъ — немыслимъ, и ходъ русской исторіи при ихъ розни напоминаетъ знаменитый Крыловскій возъ, который вести взялись щука, ракъ и

лебедь (у насъ—интеллигенція, народъ и рабочіе). Поэтому со всей силой художественнаго дара раскрывалъ Тургеневъ общечеловѣческія стороны души народной. Это была не тенденція, а мысль, вошедшая въ существо писателя, слившаяся съ нимъ и почти невольно переходящая въ художественныя изображенія дѣйствительности. Этотъ процессъ, не зависящій отъ художника, хотѣлъ Тургеневъ передать въ своемъ отзывѣ объ „Утрѣ помѣщика“ Л. Н. Толстого: „Я прочелъ „Утро помѣщика“, пишетъ онъ въ письмѣ къ Дружинину, „которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія, говорю: почти—потому, что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ, скрывается еще (можетъ быть, безсознательно для самого) нѣкоторое предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія, — и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно“.—Въ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ не упускалъ случая отмѣтить, что только насиліе отрывало

нашего крѣпостного мужика отъ общечеловѣческаго міра и превращало его въ рабочій скотъ, вопреки разуму и справедливости. Однородность основныхъ чертъ душевнаго уклада проявляется, конечно, особенно на тѣхъ основаніяхъ, которыя приближаютъ крѣпостного человѣка къ свободному и въ тѣхъ ступеняхъ, гдѣ человѣческій законъ раздѣлить безсиленъ. Вотъ почему Тургеневъ и любилъ такъ останавливаться на нихъ.

Наряду съ „лядащими" людьми, съ вольными художниками по натурѣ, прорвавшимися хотя немного на волю изъ удушья крѣпостничества, — мы видимъ въ „Запискахъ охотника" и людей труда изъ крестьянской среды, одаренныхъ дѣятельной натурой, честнымъ отношеніемъ къ своему труду, какъ Бирюкъ, достоинствомъ, знающій себѣ цѣну личности, какъ однодворецъ Овсянниковъ. Бирюкъ, высокій ростъ и могучія плечи котораго съ дополняющимъ это суровымъ и мужественнымъ лицомъ, напоминали Геркулеса,—поставленъ стеречь господскій лѣсъ, и, по словамъ окружныхъ мужиковъ, не бывало такого непреклоннаго исполнителя своего дѣла. Онъ не боится угрозъ, не поддается попыткамъ подкупа. „Должность свою справляю, — говоритъ

онъ, — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится". И мы видимъ: исполненіе этой должности у него прежде всего. Изба, состоящая изъ одной закоптѣлой, низкой комнатки, палатей и перегородокъ, лавка, на которой лежитъ одноствольное ружье, груда тряпокъ въ углу, два большихъ горшка возлѣ печи и лучина на столѣ—вотъ и вся обстановка у этого человѣка, жертвующаго жизнью изъ-за барскаго добра. Жена сбѣжала отъ него, оставивъ дѣтей, не выдержавъ жизни въ лѣсу, гдѣ не разъ, вѣроятно, разыгривались раздирающія душу сцены, подобныя той, которой свидѣтелемъ былъ самъ авторъ. А Бирюкъ все прислушивается, не рубитъ-ли кто господскій лѣсъ, и по первому звуку бросаетъ въ одинокой избѣ своихъ малыхъ ребятъ, чтобы идти, быть можетъ, на встрѣчу и смерти за „барское добро". Это суровая честность врождены его натурѣ. Отпуская попавшагося ему мужика, котораго тяжелая нужда загнала въ барскій лѣсъ, онъ какъ будто-бы стыдился своего поступка, и эта стыдливость по свойству сильной натуры проявляется во внѣшней грубости: онъ выталкиваетъ мужика и кричитъ, чтобы тотъ убирался, словно, боится, чтобы ему самому не стало совѣстно за тѣ ругательства и угрозы, кото-

рыми онъ его осыпалъ. Отсутствіе аффектаціи, даже какое-то скрытое отвращеніе къ ней, присутствующее во всемъ образѣ дѣйствій Бирюка, по справедливому замѣчанію г. Венгерова, „не есть одному только ему присущее качество“, оно свойственно вообще русской непосредственной натурѣ. „Бирюкъ,—говоритъ г. Венгеровъ, — чисто русская натура, нерѣдко долгое время кажущаяся самой обыденной и ничего не выражающей, пока не подвернется какой-нибудь случай, и этотъ же самый незатѣйливый субъектъ выкинетъ вамъ поступокъ, который васъ повергнетъ въ величайшее изумленіе. Отсутствіе внѣшней аффектаціи, такъ сильно насъ поражающей въ Бирюкѣ, не есть одному ему только присущее качество.

Нѣтъ! Русская народная натура именно обладаетъ непосредственностью въ высшей степени“, и именно это-то обобщеніе въ немъ и важно. Другой типъ человѣка дѣла встрѣчаемъ мы въ образѣ однодворца Овсянникова. Человѣкъ 70 лѣтъ, съ „яснымъ и умнымъ взоромъ“, „съ важной осанкой, мѣрной рѣчью и медлительной походкой, въ одеждѣ, напоминающей зажиточнаго купца“, онъ своею важностью и неподвижностью, смышленностью и лѣнью,

своимъ прямодушіемъ и упорствомъ напоминалъ Тургеневу „русскихъ бояръ допетровскихъ временъ“. Его всѣ уважали, а однодворцы относились къ нему прямо съ благоговѣніемъ, онъ выдѣлялся среди нихъ. Овсянниковъ зналъ свое мѣсто и никогда не терялъ своего достоинства: онъ не выдавалъ себя ни за дворянина, ни за помѣщика, одѣвалъ своихъ работниковъ по-русски и не превращалъ ихъ въ дворню. Ни подобострастія, ни излишней приторной любезности у него никогда не проявлялось; ласково, радушно, но съ достоинствомъ принималъ онъ своихъ гостей. Старыхъ обычаевъ придерживался онъ по привычкѣ, потому что ему такъ было удобнѣе; по той же привычкѣ читаетъ старинныя книги, встаетъ и ложится рано. Но Овсянниковъ не хулилъ новыхъ порядковъ, какъ и вообще новое время, наоборотъ, многое находилъ лучшимъ. Это былъ тотъ трезвый умъ, зародышъ котораго мы видѣли уже въ Павлушѣ изъ „Бѣжина луга“. Широкая наблюдательность дала ему изъ опыта жизни много поучительнаго и помѣшала рутинной идеализаціи стараго, застывшаго. Это до глубины души русскій человѣкъ, отъ котораго вѣетъ запахомъ родной земли, могучая натура котораго вросла въ нее. Онъ

считаетъ грѣхомъ продавать хлѣбъ, „Божій даръ“, и „во время общаго голода и страшной дороговизны роздалъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой запасъ; они ему на слѣдующій годъ вознесли свой долгъ натурой“. Въ этомъ крѣпкомъ русскомъ народномъ духѣ и хранилась, вѣрно, причина того уваженія, которое питали къ нему окружающіе; они нерѣдко обращались къ Овсянникову съ просьбами разсудить ихъ споры, подчинялись его приговору. Какъ истинно русскій человѣкъ, онъ не любилъ торопливости и суеты, не было въ немъ и того передѣланнаго съ нѣмецкаго на русскій ладъ шовинизма, узкаго пристрастія къ свой народности и ненавистничества къ другой, которая встрѣчается сплошь и рядомъ у теперешнихъ „истинно-русскихъ“. Его другъ и пріятель Лежень — французъ, котораго надоумленные ненавистническими манифестами русскіе мужички хотѣли утопить. Овсянниковъ разсказываетъ о самодурствѣ старыхъ помѣщиковъ, но чутко относится и къ той фальши, которая слышится въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ новыхъ: ничѣмъ не вызванная извнѣ поддѣлка подъ народный духъ болѣе удивляетъ его, чѣмъ взлелѣянное барствомъ, а потому естественное, самодурство старыхъ;

его правдивой натурѣ она едва-ли не болѣе претитъ, чѣмъ широкій разгулъ празднаго барства. Въ общемъ душа народная въ свой простотѣ чище и возвышеннѣе, чѣмъ въ послѣдующихъ наслоеніяхъ, когда она, не впитавъ въ себя культурныхъ началъ, не проникнувшись вполнѣ гуманностью разума, растеряла по пути и старое добро. Но основныя духовныя начала одинаковы.

Картину невольно открывающагося равенства рисуетъ Тургеневъ въ разсказѣ „Смерть“. Умираетъ подрядчикъ Максимъ, убитый упавшимъ при рубкѣ деревомъ, умираетъ богатый мельникъ, мужикъ на печи, русскій студентъ на кондиціяхъ, старушка помѣщица въ своей постели. И всѣхъ ихъ объединяетъ одно—замѣчательное спокойствіе передъ концомъ своей жизненной роли, хладнокровная обдуманность съ полнымъ сознаніемъ, что міръ ничего отъ этого не теряетъ, а поэтому и тужить ничего. Съ честью надо только уйти, не оставивъ за собой какихъ-нибудь счетовъ, отдавъ свой послѣдній долгъ Богу и близкимъ. Такъ Максимъ, задыхаясь, проситъ послать за священникомъ, соображая, что провинился передъ Богомъ, работалъ въ воскресенье, и принимаетъ покорно свою смерть, какъ наказаніе за грѣхъ. „Да деньги

мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ", говоритъ онъ прерывающимся голосомъ. И на утѣшенія, что онъ, можетъ быть не умретъ, говоритъ, что чувствуетъ, какъ подступаетъ смерть, и, уже совсѣмъ умирая, вспоминаетъ еще о лошади, которую онъ вчера купилъ и проситъ передать ее женѣ. Ничего не забыто изъ будничнаго, обыденнаго, словно и переживаемый имъ страшный послѣдній жизненный актъ такъ же простъ и обыденъ, какъ одна изъ многочисленныхъ его обязанностей.

А вотъ мужичекъ, вытащенный полуживой изъ пожара, въ которомъ онъ не погибъ только благодаря заѣзжему мѣщанину, вышибшему дверь въ овинъ, гдѣ тотъ былъ. Онъ умираетъ. Ему ничего не надо. Обычная будничная обстановка окружаетъ умирающаго. „Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ; братнина жена капусту рубитъ". Въ избѣ молчаніе. Его уже причастили, и онъ ждетъ только смерти. Каждый изъ семьи смотритъ на это, какъ на что-то обычное, какъ на рубку капусты или ѣду. А вотъ поднявшій тяжелые жернова, на десятый день послѣ того пріѣхавшій посовѣтоваться съ фельдшеромъ, мельникъ. Фельдшеръ, знакомый ему, уговариваетъ

его остаться въ больницѣ, оговариваясь, что болѣзнь опасна, но предупреждая, что если онъ поѣдетъ, то на вѣрную смерть.

„Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофѣичъ, говоритъ мельникъ,—ужъ коли умирать, такъ дома умирать; а то что жъ я здѣсь умру,—у меня дома и Господь знаетъ, что приключится“, и онъ ѣдетъ на вѣрную смерть, прося фельдшера не забывать сиротокъ „коли что“. „Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался. На четвертый день онъ умеръ“. Вотъ бѣдный студентъ Авениръ Сорокоумовъ; онъ умираетъ, приговоренный къ чахоткѣ, въ семьѣ помѣщика Гура Крупяникова, у котораго училъ дѣтей; умираетъ въ полномъ одиночествѣ, среди чуждыхъ, непонимающихъ его нѣжной души людей, грубо обходящихся съ нимъ, какъ обыкновенно обходятся „культурные“ русскіе люди съ учителями. Почти наканунѣ смерти Авениръ, платонически преклоняюшійся передъ наукой, разспрашиваетъ пріятеля о томъ, что въ ней новаго, живо интересуется модной тогда философіей Гегеля и съ жаднымъ любопытствомъ слушаетъ разсказы пріятеля изъ этого далекаго ему міра. „А между тѣмъ,—говоритъ

авторъ,—Авениръ, въ противность всѣмъ чахоточнымъ, нисколько не обманывалъ себя насчетъ своей болѣзни". „Слава Богу, пожилъ довольно; съ хорошими людьми знался", говоритъ онъ, и опять начинаетъ разспрашивать о томъ, что пріятель видѣлъ и слышалъ за границей... Умираетъ помѣщица съ цѣлковымъ въ рукѣ, которымъ она хотѣла заплатить за свою собственную отходную.—Во всемъ этомъ такъ мало думы о себѣ, о своемъ погибающемъ „я". Пожилъ и довольно, мѣсто другимъ—вотъ общая мысль, выраженная Сорокоумовымъ за всѣхъ. Чувство общности съ міровою жизнью и потому равнодушіе къ участи отдѣльной личности, хотя бы и своего „я", слышится во всемъ этомъ. Подобное чувство встрѣчалось Тургеневымъ всюду, на всѣхъ ступеняхъ русской жизни и говорило ему объ единой народной основѣ. Это сліяніе не нарушилось и теперь: коренясь въ русскомъ общинномъ бытѣ, оно перешло въ русскія соціалистическія ученія и начало обосновываться иначе теоретически, оставаясь живо практически. Жизнь цѣнится народомъ сама по себѣ; онъ такъ же платонически преклоняется передъ ней, какъ Авениръ передъ наукой, не замѣчая ее за будничными заботами. Такъ кучеръ

Филофей въ „Стучитъ“, при увѣренности, что наѣзжающіе предполагаемые разбойники живымъ его не отпустятъ, говоритъ: „Одного мнѣ жаль, баринъ, пропала моя троечка,— и братьямъ-то она не достанется“. А баринъ передъ такой же участью думаетъ о „презрѣнномъ топорѣ разбойника“, его личность, знающая себѣ цѣну, возмущается такой ненужной, безполезной гибелью. Въ общемъ они одинаково сходятся въ принципѣ полезности. Вѣдь при такомъ самосознаніи личности, какъ у барина, вѣрно, и Филофей думалъ бы уже не о троечкѣ; онъ цѣнилъ ее выше своей личности только находясь подъ крѣпостнымъ режимомъ, при которомъ эта личность была совершенно подавлена. Барина удивляетъ, что Филофей не пожалѣлъ о семьѣ, а о тройкѣ, но Филофей даже не понимаетъ, зачѣмъ ихъ жалѣть: вѣдь разбойникамъ въ руки не они бы попались, а въ умѣ онъ съ ними не разставался. Слезливое самосожалѣніе, возникающее въ такихъ случаяхъ у иного интеллигента, чуждо натурѣ Филофея. А между тѣмъ, это въ быту самая заурядная фигура: неповоротливъ, несмышленъ; очевидно, проявленіе силы духа въ немъ не индивидуально, а коренится въ общей народной основѣ и, по мѣрѣ приближенія къ

ней, крѣпчаетъ. Съ этимъ же мы встрѣчаемся и въ другихъ произведеніяхъ Тургенева, какъ, напр., въ „Живыхъ мощахъ“, гдѣ выступаетъ сильный духомъ образъ Лукерьи, вполнѣ отрѣшившейся отъ свой личности заживо и живущей жизнью окружающаго. Личная боль и страданіе потоплены въ немъ и лишь изрѣдка всплываютъ при какихъ-либо яркихъ напоминаніяхъ изъ бывшей личной жизни. Первая красавица и пѣвица въ селѣ, хохотунья и плясунья, она тяжелымъ недугомъ обращена въ заживо умирающее существо, безъ движенія и красокъ жизни. Раньше она была дворовая, но такъ какъ „калѣкъ держать въ барскомъ домѣ неспособно“, то ее послѣ нѣкоторыхъ попытокъ леченія отправили къ роднымъ. И она, принужденная отказаться отъ счастья наканунѣ его (болѣзнь случилась съ ней наканунѣ свадьбы), спокойно наблюдаетъ разливающуюся передъ ней жизнь природы, прислушивается къ ея трепетанію и сливается съ нею душой. „Привыкла, обтерпѣлась, ничего, инымъ еще хуже бываетъ“, говоритъ она, и на удивленный вопросъ, что можетъ быть хуже ея положенія, отвѣчаетъ: „А у иного и пристанища нѣтъ! А иной— слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ

землею роется, я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый!..“ „лежу я себѣ, лежу полеживаю и не думаю; чую, что жива, дышу— и вся я тутъ. Смотрю, слушаю“. И въ ея разсказахъ о ласточкѣ, свившей на ея глазахъ гнѣздо и обзавевшейся дѣтками, о зайцѣ, дергавшемъ усами какъ „настоящій офицеръ“,—во всемъ этомъ такъ много любви къ жизни вообще! А сколько поэзіи въ ея снахъ, о которыхъ она разсказываетъ, сливающихъ жизнь и вѣру въ одно и открывающихъ стремленіе въ высь этой пригнетенной души. Въ средѣ народа особенно обыченъ этотъ процессъ: чѣмъ бѣднѣе жизнь, чѣмъ мучительнѣй, тѣмъ ярче и образнѣе представленія о другой жизни; чѣмъ тяжелѣе тѣлу, тѣмъ выше поднимается душа; словно какое-то равновѣсіе наблюдается. Такъ и у Лукерьи. Въ связи съ этимъ, на почвѣ пережитаго, вырастаетъ широкое пониманіе жизни, невозможное опять-таки безъ нѣкотораго отрѣшенія личности отъ себя самой; такъ слѣдующую за ея болѣзнью женитьбу ея жениха на другой она спокойна объясняетъ: очень онъ меня любитъ, да вѣдь человѣкъ молодой, не оставаться же ему холостымъ. И какая ужъ я могла ему быть подруга?“, говоритъ она, хотя и сознается,

что послѣ ухода навѣдывавшагося къ ней Полякова (бывшаго жениха) она плакала. Лукерья спокойно говоритъ о смерти, видитъ ее даже въ своихъ поэтическихъ снахъ, гдѣ воображеніе какъ бы работаетъ въ зачетъ жизни. У нея нѣтъ желаній, какъ у умирающаго мужика, о которомъ разсказывалъ намъ раньше писатель. Ея желанія относятся только къ другимъ, въ жизни которыхъ потерялась ея личность. „Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу,—съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произносила она.—Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить:—крестьяне здѣшніе бѣдные, хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, всѣмъ довольна“. Эта постоянная дума о другихъ отразилась и въ снѣ Лукерьи, гдѣ ея родители говорятъ ей, что со своими грѣхами она уже покончила и теперь побѣждаетъ ихъ грѣхи. Дѣло жизни все-таки ее занимаетъ, и гибель свою она, хотя въ этой смиренной формѣ, осмысливаетъ.

Передъ нами пока проходили народные типы, по тѣмъ или инымъ условіямъ отдаленные отъ непосредственнаго столкно-

венія съ крѣпостничествомъ и разсматриваемые авторомъ лишь на его фонѣ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ картина, гдѣ развращенное праздностью барство распространяетъ отраву въ своей многочисленной дворнѣ, которую оно отрываетъ отъ земли, отъ дѣла и заставляетъ служитъ его безсмысленнымъ прихотямъ; вмѣстѣ съ этимъ теряется нравственный устой: свое, родное, подъ впечатлѣніемъ развертывающихся передъ глазами въ барскомъ домѣ благъ цивилизаціи, презирается, а сама цивилизація, поддразнивая аппетитъ, остается для двороваго человѣка попрежнему недоступна. Въ исполненіи барскихъ прихотей онъ не можетъ видѣть чего - нибудь необходимаго и пріучается смотрѣть на жизнь, какъ на праздную забаву, цѣнить людей съ точки зрѣнія баръ, какъ исполнителей ихъ желаній. Свидѣтели жестокостей и угнетенія человѣческой личности, которыя они испытываютъ на себѣ, дворовые не цѣнятъ ее въ другихъ, и грубость, не смягчаемая теплымъ чувствомъ привязанности къ своему труду, сродствомъ съ облагораживающей все природой, выступаетъ со всей своей рѣзкостью въ фигурѣ двороваго человѣка. Такъ вырабатываетъ барство достойныхъ себѣ посредниковъ съ народомъ, напоминающихъ по многимъ

чертамъ нашу русскую бюрократію. (Недаромъ Герасимъ, поразившій барыню своей геркулесовой фигурой и взятый ею въ число дворни, не выноситъ такой жизни, и послѣ безрезультатныхъ исканій привязанности, *) которая согрѣвала бы душу въ этой жесткой обстановкѣ, не выдерживаетъ и уходитъ, несмотря на то, что за такіе проступки при крѣпостномъ режимѣ можно было здорово поплатиться). Развѣ не картина бюрократическаго быта развертывается передъ читателемъ въ „Конторѣ"? Шесть человѣкъ сидятъ въ барской конторѣ и занимаются переписываніемъ приказовъ отъ сидящей здѣсь же въ имѣніи барыни къ безграмотному бурмистру, для чтенія которыхъ онъ призывается въ контору, тогда какъ барыня можетъ до этого нѣсколько разъ увидѣть его лично. Для господской конторы это переписываніе представляется нѣкоторой трудностью: сочиняетъ его особый мастеръ, другой переписываетъ, хотя вся суть приказа заключается въ томъ, напр., чтобы немедленно разыскать, кто въ пьяномъ видѣ съ неприличными пѣснями прошелъ по „аглицкому саду и гувернантку мадамъ

*) Приглядѣвшаяся ему Татьяна оказывается пьяницей, чего онъ не выносилъ, собаку „Муму", къ которой Герасимъ привязалася, барыня приказала утопить.

Енжени француженку разбудилъ и обезпокоилъ“ Здѣсь же занимаются и взяточничествомъ; приказчикъ переговаривается съ купцомъ, ведущимъ дѣло съ помѣщицей, и по уговору съ нимъ обдѣлываетъ свое дѣльцо; вызывая мужиковъ въ горячую пору на барскую работу, онъ заставляетъ ихъ откупаться подношеніемъ и т. п.; дѣвку Татьяну, по его наушничеству, на зло расположенному къ ней фельдшеру, производитъ изъ прачекъ въ судомойки, а потомъ и окончательно высылаетъ въ другую деревню. Въ довершеніе бюрократической картины надо прибавить, что помѣщица—этотъ бюрократъ въ юбкѣ,—строго слѣдя за порядкомъ, назначаетъ еще и управляющаго изъ нѣмцевъ, который *не распоряжается*, какъ говоритъ тотъ же приказчикъ, такъ какъ распоряжается сама барыня. И вся эта бюрократическая машина, съ 150-тью чел. дворни, лежитъ на шеѣ крестьянства, которое должно сбирать добываемыя своимъ потомъ крохи для удовлетворенія этихъ паразитовъ и самозащиты отъ ихъ посягательствъ на свое послѣднее — трудъ, необходимый для прокормленія семьи. У этихъ паразитовъ, оторванныхъ отъ нравственныхъ идеаловъ народа и соприкоснувшихся съ самою ядовитою стороною барства, нѣтъ другихъ

идеаловъ, какъ сытое довольство,—другихъ стремленій, какъ поживиться на чей-то счетъ, и они, знающіе всѣ ходы и выходы родныхъ переулковъ, глубоко запускаютъ свои цѣпкія лапы въ народное добро, въ народную жизнь и ея послѣднее достояніе. Таковъ бурмистръ г-на Пѣночкина, которымъ тотъ не нахвалится за его распорядительность и расторопность. Онъ забираетъ въ свои руки постепенно нищающихъ за его поборами крестьянъ.

Такъ, „взбунтовавшійся" мужикъ разсказываетъ благодушествующему Пѣночкину, какъ, внесши за него недоимку, бурмистръ забралъ его окончательно въ кабалу и съ тѣхъ поръ не даетъ ему, что называется, дохнуть. Двухъ сыновей его онъ безъ очереди отправилъ въ рекруты, наконецъ, отнимаетъ и послѣдняго тѣмъ же путемъ. Послѣднюю коровушку со двора свелъ, а жену его избилъ. Но Аркадій Павловичъ, кромѣ „бунта" грубіяна мужика, ничего въ этомъ не видитъ, и слезы измученнаго старика, надѣющагося на барскую справедливость, не трогаютъ его. Бурмистръ прекрасно умѣетъ успокаивать барское сердце: онъ подбираетъ всѣ удобныя для него объясненія: мужикъ пьяница, грубіянъ; особенно безпокоиться, словомъ, нечего.

А между тѣмъ, зная, что баринъ не любитъ особенно безпокоиться и безъ его услугъ барину трудно обойтись, онъ прекрасно устраиваетъ свои дѣла такъ, что въ результатѣ „Шипиловка, по словамъ кучера, только что числится за тѣмъ, какъ бишь его, за Пѣнкинымъ-то; вѣдь не онъ ей владѣетъ: Софронъ владѣетъ“. Софронъ соблюдаетъ при этомъ необходимую осторожность: стариковъ побогаче да посемейнѣе не трогаетъ, чтобы не потерять той добычи, которой уже овладѣлъ. Здѣсь грозитъ еще опасность народной жизни съ другой стороны: выростаетъ уваженіе къ богатству, которое на ихъ глазахъ дѣлаетъ человѣка всесильнымъ, а съ нимъ грозитъ развиться страсть къ наживѣ; вѣдь, кучеръ, уже не безъ одобренія разсказывая о бурмистровыхъ похожденіяхъ, говоритъ объ умѣ и богатствѣ этого ловкаго хищника, зорко высматривающаго свою добычу, отсюда же, изъ этой среды, выходятъ и другіе хищники, заносящіе горе въ крестьянскія семьи. Таковъ барскій камердинеръ въ „Свиданіи“: онъ ломается надъ обиженной имъ крестьянской дѣвушкой, которую оставляетъ. Совѣсть не только не говоритъ въ немъ, но онъ даже и не представляетъ себѣ, какъ можетъ быть иначе. Его поступокъ для

него такъ естественненъ, что онъ даже не задумывается. Въ лицѣ его хамство нашло своего носителя и получило, какъ слово, права гражданства. Растлѣвающее вліяніе барства имѣетъ въ этомъ камердинерѣ дальнѣйшую ступень распространенія заразы въ народѣ. Такова и дѣвка Акулина, околдовавшая, по словамъ Тумана, графа. Она „забрила лобъ“ племяннику Тумана за то, что онъ обронилъ шеколадъ на ея платье, а самого графа по щекамъ била. Вообще, чѣмъ грубѣе среда, въ которую проникаетъ барское вліяніе, тѣмъ ужаснѣе его плоды, обращающіеся въ результатѣ противъ своихъ же патроновъ. Это ужасное пренебреженіе человѣческой личности, которое практиковалось барствомъ, здѣсь не смягчаемое внѣшнимъ благородствомъ, выражалось въ дикой формѣ первобытной грубости; у нихъ не было еще того чувства, которое заставляло г. Пѣночкина прятать руки при постороннемъ свидѣтелѣ. Барство съ человѣкомъ обращалось, какъ съ манекеномъ. Изъ разсказовъ Сучка въ „Льговѣ“ мы видимъ, во что цѣнили здѣсь склонности личности. Смѣна владѣльцевъ Сучка отзывается смѣной назначаемыхъ ему мѣстъ: у одного помѣщика онъ ѣздилъ кучеромъ, у другого онъ былъ поваромъ,

у помѣщицы, которой онъ достался по наслѣдству, онъ былъ произведенъ въ „кофишенки“ при буфетѣ и назывался Антономъ, а не Кузьмой, потомъ у нея же былъ „актеромъ“, затѣмъ, когда братъ его сбѣжалъ, былъ опять разжалованъ въ повара; состоялъ онъ и въ казачкахъ, былъ форейторомъ, и садовникомъ, и доѣзжачимъ; съ послѣдней должности за то, что *ушибъ лошадь, упавъ съ нея*, былъ разжалованъ въ ученики къ сапожнику. На удивленный вопросъ охотника, какое же это ученіе въ 20-ть лѣтъ, характеренъ отвѣтъ Сучка: „стало быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ“. И въ результатѣ, видавшій виды старикъ радъ, что попалъ въ рыболовы къ рѣкѣ, гдѣ не водится, по его собственному признанію, никакой рыбы. „А то вотъ другого,—говоритъ Сучекъ, такого же, какъ я, старика—Андрея Пупыря—въ бумажную фабрику, въ черпальную, барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть... А Пупырь-то еще на милость надѣялся“... И не женился-то Сучекъ потому, что помѣщица не позволила. „Бывало, говоритъ: вѣдь живу же я такъ въ дѣвкахъ, что за баловство! чего имъ надо“.

Словомъ, совсѣмъ замотали человѣка,

какъ заматываютъ и разжалованнаго въ истопники изъ портныхъ Купрю, потѣшающаго своей новой ролью праздную дворню. Съ личностью, съ ея склонностями и запросами никто не считается. Тамъ, гдѣ она не разлучается съ землей и связаннымъ съ ней трудомъ или вырывается на волю изъ крѣпостнической обстановки, тамъ она сохраняетъ индивидуальность въ той или иной степени, но гдѣ рука рабовладѣльцевъ наложила свою тяжелую печать не только на бытъ—на душу, тамъ авторъ „Записокъ охотника“ намѣчаетъ 3 явленія: 1) паразитство, картину котораго представляетъ праздная дворня въ „Конторѣ“; 2) хищничество, представителями котораго въ „Запискахъ охотника“ являются Софронъ Яковлевичъ („Бурмистръ“) и Викторъ Александровичъ („Свиданіе“); 3) уродливое явленіе, какъ Владиміръ въ „Льговѣ“, говорящій въ возвышенномъ стилѣ о насморкѣ, съ неизмѣнной буквой ерсъ и призрѣніемъ къ „необразованности мужика“. Причина появленія подобныхъ типовъ коренится въ самой исторіи ихъ жизни. „Онъ былъ,—разсказываетъ въ „Льговѣ“ Тургеневъ о Владимірѣ,—вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, по-

читывалъ, сколько я могъ замѣтить, кое-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной". Передъ нимъ обезличенье личности Сучка кажется „зломъ еще не такъ большой руки".

Глава VI.

Сила художественной изобразительности у Тургенева сказалась особенно въ передачѣ тѣхъ оттѣнковъ въ языкѣ и бытѣ, которые тѣсно связаны съ индивидуальностью и мѣстными условіями, причемъ въ послѣднее само собой входятъ и классовыя особенности. Тонкость и трудная уловимость этихъ оттѣнковъ требуетъ и знанія дѣйствительности, широкаго пониманія ея, которое возможно лишь при томъ, когда художникъ самъ поднимается надъ ними и окидываетъ ихъ взоромъ съ своей, дающей возможную объективность, высоты. Вотъ почему при томъ чутьѣ художественности и пониманіи ея условій, которое было у Тургенева, онъ создаетъ свои „Записки охот-

ника“ не въ Россіи, а за границей. Здѣсь онъ не помѣщикъ, владѣющій крѣпостными, наряду съ другими дворянами, а человѣкъ, съ которымъ каждый рабочій чувствуетъ себя на равныхъ правахъ, какъ и со всякимъ другимъ дворяниномъ. Здѣсь не грозитъ опасность поддаться міровоззрѣнію среды, хотя бы и случайно, хотя и въ малозамѣтныхъ для самого творца мелочахъ. Въ рѣчахъ, въ понятіяхъ героевъ „Записокъ охотника“ мы не видимъ той приторной прикрашенности неестественной для народа, которая встрѣчается у Карамзина при его крѣпостнически-идиллическомъ отношеніи къ народу, когда художникъ гордился еще своею смѣлостью обращать вниманіе на такіе „низкіе“, по Ломоносовскому слогу, предметы, какъ крѣпостной мужикъ и народная жизнь; нѣтъ здѣсь и той поддѣлки подъ простую народную рѣчь, которая появилась въ нашей литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ мужикъ, получивъ права гражданства въ ней и сдѣлавшись символомъ ея гумманнаго направленія, превратился въ либеральную забаву баръ, поставившихъ народъ по наслѣдственному дворянскому толчку не рядомъ съ собой, а на пьедесталъ, гдѣ его человѣческое достоинство могло признаваться только платонически, а зависимость

этого пьедестала отъ поставившихъ его по прежнему давала имъ ощущенiе господской силы.

Тургеневъ поставилъ мужика дѣйствительно рядомъ съ собой и заговорилъ съ нимъ своимъ творческимъ языкомъ, какъ съ братомъ. Во вниманiи ко всѣмъ оттѣнкамъ его рѣчей, къ быту, отражающими въ себѣ народную индивидуальность и мѣстныя условiя, сказалась не только сила художника, но и уваженiе къ личности и человѣческому достоинству крестьянина. Много дало это и для живости образовъ, жизненной очерченности ихъ.

Онъ не обходитъ вниманiемъ и владѣльцевъ крѣпостныхъ, причемъ въ самомъ положенiи ихъ, оторванности и отъ западной цивилизацiи, верхушками которой они хватаютъ и отъ основъ народной жизни, которыя они презираютъ, — сказывается ихъ ненужность, зло того порядка вещей, представителями котораго они являются. Ихъ языкъ носитъ еще иногда слѣды полуобразованности, какъ у г. Полутыкина, понятiя тщательно скрываютъ подъ верхнимъ легкимъ слоемъ налета либерализма — первобытную грубость дикой силы, какъ у Пѣночкина, потерю чуткости въ себялюбивомъ

покоѣ и свойственную эгоизму жесткость, какъ у г. Звѣркова.

Въ первомъ очеркѣ, открывающемъ собою „Записки охотника“ — „Хорѣ и Калинычѣ“—мы видимъ черты этнографическаго очерка, отмѣченнаго особенностями данной мѣстности и быта. Авторъ замѣчаетъ разницу между Болховскимъ и Жиздринскимъ уѣздами Орловской и Калужской губерніи. „Орловскій мужикъ не великъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ изъ-подлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти; калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ, торгуетъ масломъ и дегтемъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ“. Это сравненіе выдерживаетъ Тургеневъ и впослѣдствіи въ „Малиновой водѣ“, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Орловской губерніи: старикъ Власъ въ лаптяхъ и бѣденъ. Въ „Ермолаѣ и Мельничихѣ“ Тургеневъ описываетъ берегъ Исты съ его особенностями, степную деревню средней полосы—въ „Льговѣ“; передаетъ общій характеръ природы въ Тульской губ. Чернскаго уѣзда, описывая Бѣжинъ лугъ. Мѣстныхъ особенностей въ

языкѣ Тургеневъ даетъ мало, быть можетъ, избѣгая пестроты, мѣшающей художественному впечатлѣнію и отвлекающей вниманіе отъ обще-человѣческихъ основъ духа, которыя занимали первое мѣсто въ творчествѣ Тургенева. Изъ мѣстныхъ словъ Тургеневъ беретъ только наиболѣе характерныя, какъ напр., „лядащій“, „бирюкъ“, „притулился“, относящіяся къ психологической мѣстности, но не отдѣляющіяся отъ общихъ понятій.

За то характеръ рѣчи выдерживается Тургеневымъ съ замѣчательной чуткостью. Для Тургенева, какъ мы видимъ и позднѣе изъ его завѣщанія писателя, языкъ былъ не простое средство изобразительности. „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—говоритъ Тургеневъ,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя не вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Въ каждомъ словѣ Тургеневъ слышитъ, какъ артистъ въ звукѣ, трепетаніе жизни, улавливаетъ особый, одному ему присущій, характеръ! Въ сочетаніи ихъ онъ слышитъ музыку души, переливаетъ въ него свое настроеніе. Атмосфера музыкальнаго

искусства, окружающая Тургенева въ моментъ творчества, и перелитая въ него личная жизнь, оказала свое дѣйствіе на художественныя воззрѣнія И. С. Его тонко развитый слухъ улавливалъ малѣйшіе оттѣнки словъ и выраженій, родняшихся съ музыкой въ своей основѣ, и проявлялъ особую чуткость къ ихъ звуковой формѣ и сочетаніямъ. Рѣчь каждаго лица у Тургенева соотвѣтствуетъ его характеру, является дѣйствительно языкомъ его души, и ея фальшь отражается въ ней, въ ея изгибахъ и искусственныхъ оборотахъ, ея простота и достоинство — въ плавности и мѣрности рѣчи, отражающей жизнь этой души. Такою плавною и мѣрною рѣчью, въ которой слышится уже само по себѣ чувство человѣческаго достоинства, говоритъ Овсянниковъ, Касьянъ съ Красивой Мечи. Въ ихъ языкѣ, какъ въ ясной лазури отражается ихъ душа, по-дѣтски чистая, величаво спокойная съ глубокимъ убѣжденіемъ въ существованіи какихъ то твердыхъ началъ нравственности и человѣческой справедливости, какихъ-то жизненныхъ устоевъ, которые представляются имъ настолько же осязательными, какъ небо для незнающихъ космографіи ихъ собратьевъ. Спокойно и съ достоинствомъ привѣтствуетъ онъ гостей,

невозмутимо разсказываетъ объ ужасахъ крѣпостничества, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, о старыхъ самодурахъ помѣщикахъ; такъ же спокойно и величаво удивляется народническому ломанію новыхъ;— ни аховъ, ни оховъ, никакихъ рисовокъ своимъ умомъ и пониманіемъ, которое такъ часто встрѣчается именно въ этой, выходящей изъ народа средѣ, мы у Овсянникова не видимъ. Самый юморъ его, отразившійся въ разсказѣ объ Александрѣ Владиміровичѣ, спокоенъ, не брызжетъ смѣхомъ, а горитъ внутренней безобидной ироніей: „И пошелъ, и пошелъ... да, вѣдь, какъ говорилъ! за душу такъ и забираетъ... Дворяне-то всѣ носы повѣсили; я самъ, ей ей, чуть не прослезился". То же и въ разсказѣ его о Василіи Николаевичѣ. Ожидали крестьяне, что онъ пріѣдетъ, все разберетъ и приказчику достанется. „А вмѣсто того вышло, какъ вамъ доложить?—самъ Господь не разберетъ, что вышло,—говоритъ, а самъ краснѣетъ, и такъ, знаете, дышетъ скоро: „будь справедливъ у меня, не притѣсняй никого, слышишь?". Да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ! Въ собственной вотчинѣ живетъ, словно чужой". Совсѣмъ другой характеръ носитъ разсказъ автора отъ себя о французѣ Леженѣ и его

исторіи. Въ немъ видна уже интеллигентная личность разсказчика, его поднимающійся надо всѣмъ этимъ взглядъ, видна и литературная школа Гоголя, ведущая къ комическому отъ абсурда, — сопоставленія двухъ понятій, совершенно не соотвѣтствующихъ другъ другу по своему характеру. Такъ Тургеневъ разсказываетъ, какъ мужички привели Леженя къ проруби возлѣ плотины и начали „просить“ его уважить ихъ—„нырнуть подъ ледъ“ и совершить, такимъ образомъ, подводное путешествіе по Гнилотеркѣ къ родному Орлеану. Французъ начинаетъ просить на родномъ языкѣ отпустить его въ Орлеанъ, гдѣ у него мать живетъ. Кромѣ комизма во внѣшней сторонѣ, скрывается здѣсь и внутренній комизмъ: французъ прибѣгаетъ къ упоминанію о матери, какъ наиболѣе сильному, убѣдительному аргументу для *своихъ* соотечественниковъ. А передъ нимъ стоитъ грубая толпа, которая не только не понимаетъ его языка, но которой далеко и до тонкости его психологіи: отрываніе дѣтей отъ родителей и, наоборотъ, сплошь и рядомъ производящееся владѣльцами крѣпостныхъ, заглушало чувство сыновней и родительской привязанности. Въ этой сценѣ наблюдается уже то осложненіе художественной передачи, которой нѣтъ въ рѣчахъ

Овсянникова, гдѣ все ясно само собою для всякаго и невысказанное передается душѣ, не имѣя изгибовъ. Такою же твердою увѣренностью и яснымъ спокойствіемъ дышетъ и рѣчь Касьяна. Какъ Овсянниковъ съ убѣжденіемъ говоритъ, что „все перемелется, мука будетъ", такъ Касьянъ говоритъ: „Та птица (т. е. гуси, курицы, и т. п.), Богомъ опредѣленная для человѣка". И духомъ старинныхъ, читаемыхъ ими книгъ, запахомъ родной почвы вѣетъ отъ рѣчей этихъ людей. Какая разница между плавной и мѣрной рѣчью Овсянникова и дворецкаго Тумана въ „Малиновой водѣ"! Въ разсказѣ перваго мы видимъ человѣка, свободно чувствующаго и мыслящаго; на второго уже положила свой отпечатокъ неволя, подчиненное положеніе, несвободное, рабское проявленіе чувствъ. „А и многихъ вельможъ видѣлъ и всякъ ихъ видѣлъ; жили открыто на славу и удивленіе", говоритъ Овсянниковъ. „Вельможественный былъ человѣкъ, извѣстно-съ. Къ нему бывало первые, можно сказать, особы изъ Петербурга заѣзжали. Въ голубыхъ лентахъ, бывало, за столомъ сидятъ и кушаютъ",— говоритъ Туманъ. Буква ерсъ, перевранныя чуждыя по звуку и по сути слова, внѣшнія описанія, въ которыхъ „голубыя

ленты“ и „ладеколонъ“ играютъ первую роль,—въ разсказѣ Овсянникова уступаютъ мѣсто характеристикѣ даннаго лица; картинность внѣшняя уступаетъ здѣсь картинности внутренней. Въ общемъ стремленіе къ образности въ рѣчи—это характерная черта народнаго языка, въ которомъ численно преобладаютъ слова, обозначающія конкретныя понятія; они же преобладаютъ и въ мыслительныхъ процессахъ на данной ступени развитія. Отсюда особая живость и картинность народнаго языка.

Тургеневъ, какъ ученикъ Пушкина, который совѣтовалъ писателямъ учиться языку у московскихъ просфиренъ, не могъ не оцѣнить этихъ достоинствъ и не воспользоваться ими. Самыя отвлеченныя понятія, облеченныя въ эти формы, кажутся простыми и ясными, и живость литературнаго языка Тургенева въ значительной степени обусловливается замѣной отвлеченнаго конкретнымъ, выступающимъ здѣсь вопреки Гоголевской яркости очертаній, смягченной у Тургенева поэтическимъ размышленіемъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ отъ себя. Другое дѣло передача языка народнаго; здѣсь писатель остается вѣренъ его духу конкретности. Такъ Хорь на вопросъ, почему ему не откупиться, отвѣчаетъ не разсужденіемъ на

тему о невыгодности такого положенія при общемъ крѣпостничествѣ и хищничествѣ въ русской жизни, а кратко, но образно рисуетъ картину такой „вольной“ жизни. „Попалъ Хорь въ вольные люди,—продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто про себя:— кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій“. Въ другомъ мѣстѣ для убѣжденія Калиныча въ томъ, что и мужики сапоги носятъ, Хорь, не тратя словъ, поднимаетъ свою обутую въ сапогъ ногу. Видно, какъ авторъ невольно заражается характеромъ этой рѣчи, когда, замѣчая о воспріимчивости народа къ хорошему, онъ говоритъ: — „русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и *поломать* себя: онъ мало *занимается* своимъ *прошедшимъ* и *смѣло глядитъ впередъ*. Что хорошо, то ему и нравится, что *разумно,—того* ему и *подавай*, а откуда *оно идетъ*, — ему все равно“.— Здѣсь мы встрѣчаемъ невольно переданную отъ героя творцу образность рѣчи.

Такъ же образно говоритъ и Касьянъ. Свое доказательство противъ убійства онъ основываетъ на образномъ: „Грѣхъ показать свѣту кровь“. Соловушекъ онъ убиваетъ „не на погибель ихъ живота“. Вмѣстѣ съ этимъ идетъ воодушевленіе предметовъ.

Такъ Касьянъ говоритъ: „Кровь солнышка Божія не *видитъ, кровь* отъ свѣту *прячется*“... Бытовая фантазія совокупнаго народнаго творчества одухотворяетъ и природу, населяя ее всю живыми существами и приближая ея жизнь къ человѣческой. Такая картинка развертывается передъ нами въ „Бѣжинѣ лугѣ“, гдѣ звуковая образность выигрываетъ повтореніемъ одного и того же слова, дающаго въ результатѣ иллюзію гипноза: „застучитъ — застучитъ“, „зашумитъ—зашумитъ“ и т. п. Здѣсь же залогъ конкретнаго и въ описаніяхъ природы.

Такъ Касьянъ, описывая родину, говоритъ: „тамъ мѣста привольныя, рѣчныя, гнѣздо наше“. Образами дышетъ природа въ описаніяхъ Лукерьи („Живыя мощи“) и отсюда необходимо вытекаетъ образность описаній и у самого автора, передающаго ихъ съ оттѣнками народнаго колорита, такъ какъ личность народная стоитъ у него въ центрѣ этихъ описаній.

Въ рѣчи мужиковъ, обращенной къ своимъ господамъ, и въ рѣчи дворовыхъ есть, уже отчасти замѣченные нами, свои оттѣнки; сознаніе несправедливости обидчиковъ у нихъ тѣсно сплетается со страхомъ передъ ними и необходимостью уваженія, которое заходитъ у нихъ такъ далеко, что

даже при жалобахъ невольно выражается въ почтительности рѣчи относительно ихъ. Внушенныя имъ понятія о „благодѣтелѣ“ помѣщикѣ оставляютъ за нимъ слова „батюшка“, жалуясь на бурмистра, мужички величаютъ его все же Софрономъ Яковлевичемъ и, говоря о томъ, что его сынъ избилъ хозяйку, величаетъ его все же „его милость“. Тамъ же, гдѣ мужикъ чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, это выражается и въ языкѣ, болѣе вольномъ въ оборотахъ. Такъ Ѳедя, сынъ Хоря, уже не только поддакиваетъ, но и собственное остроуміе показываетъ. На указанія барина, что это все сыновья Хоря, онъ подхватываетъ: „все Хорьки“, соединяя почтительность съ нѣкоторой свободой обращенія, говорящаго объ извѣстной долѣ независимости. Въ рѣчи „Пѣвцовъ“ мы видимъ уже нѣкоторую спутанность, свойственную безшабашнымъ людямъ, не задумывающимися надъ поступкомъ, а не то, что надъ рѣчами; одно и то же слово часто повторяется въ ихъ рѣчи не для того, чтобы придать какое-либо особое значеніе смыслу, а потому, что одолѣваетъ умственная лѣнь. Въ общемъ передачу народнаго языка въ разговорѣ лицъ, выведенныхъ изъ народной среды, Тургеневъ понялъ, какъ истинный худож-

никъ и знатокъ народной жизни: онъ не запестрилъ рѣчь мѣстными народными словами, но, передавая общій характеръ народной рѣчи, ея картинность и образность, онъ сохранилъ, кромѣ того, то оргинальное построеніе фразъ, которое придаетъ этой рѣчи особый индивидуальный отпечатокъ, передающій художественное впечатлѣніе несравненно лучше, чѣмъ комическая пестрота особыхъ, не всѣмъ понятныхъ словечекъ. Этотъ отпечатокъ невольно сохраняется и въ рѣчи дворовыхъ, какъ ни ломаютъ они ее на барскій ладъ. Для художественной литературы русской—это былъ цѣнный вкладъ.

Глава VII.

Предыдущая литературная дѣятельность Тургенева не обращала на себя особенно широкаго вниманія публики. Критика похваливала его поэмы, но Бѣлинскій, зная Тургенева лично и цѣня его умъ, его знанія, замѣчая его тонкую наблюдательность и умѣніе пользоваться ею, скорѣе угады-

валъ въ немъ богатыя возможности, чѣмъ видѣлъ ихъ въ поэмахъ своего молодого друга. Тонкое чутье человѣка и критика не обмануло Бѣлинскаго, и помѣщенный скромно въ смѣси 1-го № „Современника" первый разсказъ изъ „Записокъ охотника" „Хорь и Калинычъ" вызвалъ неожиданный для автора успѣхъ у публики и критики. Но вполнѣ оцѣнилъ и предугадалъ сразу значеніе идущихъ за этимъ разсказомъ подобнаго типа лагерь славянофиловъ съ его стремленіемъ сблизиться съ землей и народомъ. „Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и народу", писалъ К. Аксаковъ *) послѣ появленія въ печати „Хоря и Калиныча,"—вмигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любьвяхъ да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ,—все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ — и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился, и

*) По другимъ даннымъ, Ю. Самаринъ.

какъ сильно и прекрасно, когда онъ говорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ". Бѣлинскій въ своемъ „Обзорѣ литературы" за 1847 г. (Современникъ 1848 г., № 3), оцѣнивая талантъ Тургенева, говоритъ: „Успѣхъ въ публикѣ этого небольшого разсказа былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы Охотника, талантъ его обозначился вполнѣ. И великій критикъ отмѣчаетъ уже по нимъ основные элементы таланта Тургенева, которые вошли и впослѣдствіи въ его творчество, какъ-то: чутье дѣйствительности и творчество изъ него, отсутствіе чистаго, не основаннаго на ней вымысла въ характерахъ и положеніяхъ, и необыкновенное мастерство въ изображеніи картинъ русской природы. Здѣсь же онъ объясняетъ и успѣхъ въ публикѣ „Хоря и Калиныча": въ этой пьескѣ, пишетъ Бѣлинскій, „авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него еще никто къ нему не заходилъ". Въ заключеніе Бѣлинскій говоритъ: „Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ. Анненковъ въ своемъ отзывѣ (Современникъ

1849 г. № 1) указываетъ на разнообразіе, вѣрность картинъ и особенно какое-то уваженіе ко всѣмъ лицамъ, на сильное чувство красоты природы, желаетъ отъ души русской литературѣ наиболѣе беллетристическихъ талантовъ, дающихъ подобные результаты. Въ общемъ успѣхъ этихъ отдѣльныхъ разсказовъ былъ чисто литературный. Автора привѣтствовали, какъ мастера изобразительнаго искусства, но общественное значеніе „Записокъ охотника" выросло и обозначилось лишь при полномъ собраніи этихъ разсказовъ въ одномъ томѣ, вышедшемъ въ 1852 г. Отставка пропустившаго ихъ цензора Львова ясно показывала, что ихъ значеніе понималось и впечатлѣніе отъ нихъ предугадывалось. „Администрація и публика—говоритъ авторъ статьи въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1889 г. декабрь) одинаково смотрѣли тогда на соч. Тургенева, какъ на проповѣдь освобожденія крестьянъ, и отзывались на это сообразно своему направленію. Авторъ этой статьи разсказываетъ, что гр. Растопчина, получивъ „Записки охотника", сказала Чаадаеву: „voilà un livre incendiaire", Чаадаевъ рѣзко предложилъ ей перевести это на русскій языкъ, такъ какъ говорится, вѣдь, о русской книгѣ. Въ переводѣ на русскій языкъ

выходило: „зажигательная книга", и только для мягкости гр. Растопчина выразила свою мысль по французски. Что это было не единичное впечатлѣніе, видно изъ разсказа Анненкова объ одномъ вельможѣ, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ „возбужденія одного сословія противъ другого". Изъ этихъ идущихъ сверху впечатлѣній ясно, что книга Тургенева принималась какъ живой протестъ противъ крѣпостничества, какъ укоръ рабовладѣльцамъ и защита крестьянъ... „И онъ поклялся клятвой Ганибала жить для того, чтобы отомстить врагу", говорилъ впослѣдствіи поэтъ, вспоминая имя Тургенева. Но тенденція была чужда автору „Записокъ охотника". Правду жизни изобразилъ онъ и не виноватъ былъ, что правда русской жизни дѣйствительно возбуждала одно сословіе противъ другого. Его „месть врагу" выразилась лишь въ томъ, что онъ направилъ въ его сторону свое творческое вниманіе и перенесъ его характеръ на свое полотно художника. Объ этомъ говоритъ не только признаніе Тургенева, что онъ никогда не преслѣдовалъ тенденціи въ своихъ произведеніяхъ, что оно выходило у него „какъ трава растетъ",

но такъ же и то, что отдѣльные разсказы изъ этой серіи обратили вниманіе публики, во-первыхъ, своимъ литературнымъ достоинствомъ. Собранные вмѣстѣ, они, сохраняя свою художественную силу, обращали вниманіе на характеръ и смыслъ цѣлаго ряда раскрывающихся въ нихъ картинъ. Общественное значеніе „Записокъ охотника“ отмѣчается въ идущихъ отовсюду отзывахъ о нихъ. Государь Наслѣдникъ отозвался о „Запискахъ охотника“, что это его „настольная книга“, и позже, что они имѣли рѣшающее вліяніе на его намѣреніе освободить крѣпостныхъ. Впослѣдствіи авторъ „Записокъ охотника“, „высланный изъ столицъ“, обратился къ Наслѣднику престола съ просьбой походатайствовать за него передъ Государемъ, и просьба его была уважена. Тургеневъ, получивъ право въѣзда въ столицы, уѣхалъ за границу.

Значеніе „Записокъ охотника“ въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ отмѣтилъ такой знатокъ крестьянскаго вопроса, ученый спеціалистъ, какъ В. Семевскій. Говоря объ обще-гуманизирующемъ вліяніи „Записокъ охотника“ и ссылаясь на свидѣтельство самого Тургенева о словахъ Александра II, В. Семевскій пишетъ: „Фактъ этотъ тѣмъ болѣе для насъ важенъ, что ранѣе того,

въ мартѣ 1849 года, въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія закона (8 ноября 1847 г.) о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ аукціона, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ (такъ же, какъ и принцъ Ольденбургскій), вопреки мнѣнію Киселева, Блудова и Вронченка, подалъ голосъ за отмѣну этого закона вмѣстѣ съ крѣпостниками, кн. Чернышовымъ, гр. Орловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ".

Прекрасную оцѣнку далъ этой книгѣ въ своемъ отдѣльномъ, посвященномъ Тургеневу, трудѣ Ивановъ: онъ называетъ ее „классической книгой нашей народнической литературы". „И здѣсь,—говоритъ онъ, — не столько важна талантливость разсказчика, сколько его отношеніе къ предмету. Въ разсказѣ можно отыскать сколько угодно неловкихъ и неудачныхъ выраженій, лишнихъ или явно искусственныхъ и вымышленныхъ подробностей—все это въ свое время было сдѣлано, между прочимъ, семьей Аксаковыхъ, но подобные розыски, въ сущности, безцѣльная работа: они ни на минуту не поколеблютъ высокаго историческаго значенія книги. И это значеніе можетъ быть выражено просто и точно:

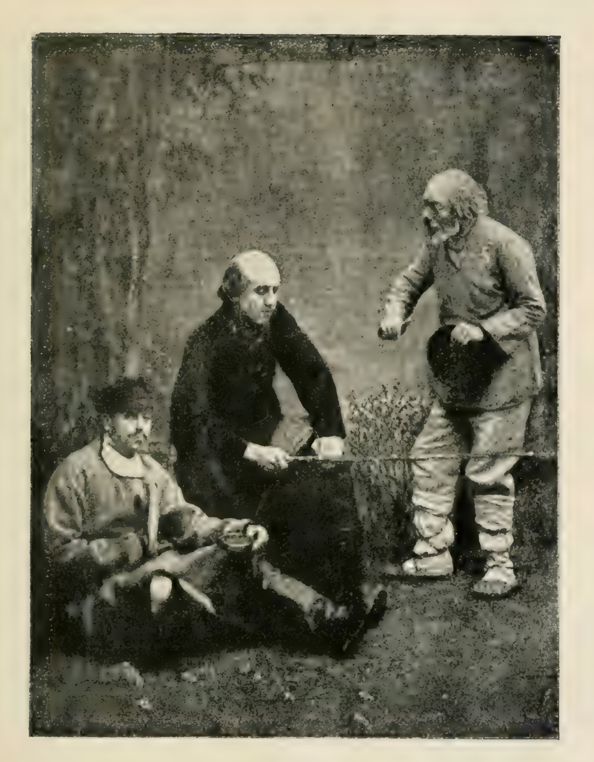
Тургеневъ показалъ, что крѣпостные мужики не только люди, но что имъ доступны такіе же сложные душевные процессы, такая же многосторонняя нравственная жизнь, какъ и всѣмъ лучшимъ представителямъ культурнаго общества“.

Въ 1879 году Тургеневъ, будучи въ Москвѣ, явился на публичное засѣданіе общества любителей россійской словесности. При его появленіи въ залѣ поднялся громъ рукоплесканій. Когда смолкнулъ шумъ, студентъ Викторовъ обратился къ Тургеневу, привѣтствуя его отъ имени русской учащейся молодежи, какъ автора „Записокъ охотника“, появленіе которыхъ,—сказалъ онъ,—неразрывно связано съ исторіей крестьянскаго освобожденія“. Онъ замѣтилъ, что Тургеневъ никогда не стоялъ такъ близко къ пониманію общественныхъ задачъ, стремленій молодежи, какъ именно въ эту юношескую эпоху своей литературной дѣятельности. „Вамъ не написать болѣе „Записокъ охотника“, заключилъ онъ нѣсколько рѣзко; но эта рѣзкость представителя русской учащейся молодежи конца 70-хъ годовъ говорила лишь о томъ, какъ высоко цѣнила она „Записки охотника“.

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ Тургеневымъ послѣ его смерти и въ статьяхъ о немъ, относящихся къ этому времени, силь-

нѣе всего подчеркивалось значеніе „Записокъ охотника“. Такъ Абу, называя творенie Тургенева „книгами добра“, запечатлѣнными въ памяти цѣлаго народа прочнѣе и неизгладимѣе, чѣмъ надпись на твердомъ металлѣ, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ „Записки охотника“. Жизнь русскаго крестьянина, его бѣдность, его невѣжество, его самоотреченіе, его доброта впервые стали доступны интересу и состраданію всѣхъ по вашимъ „Запискамъ охотника“. „Надъ могилами государственныхъ людей сосѣдней съ нами страны“, говорилъ онъ, „воздвигаютъ величественныя статуи, которыя будутъ опираться на плечи скованныхъ плѣнниковъ, насильно влекомыхъ въ неволю. Для твоего памятника достаточно будетъ обрывка цѣпи, брошенной на мраморную плиту“. Ренанъ, указывая на это же значеніе Тургенева, сказалъ: „Тургеневъ былъ не только великимъ человѣкомъ. Душа его,—говоритъ Ренанъ,—была нѣкоторымъ образомъ совѣсть цѣлаго народа“. „Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности“, никогда,—говорилъ онъ, — тайны народнаго сознанія, еще темнаго и полнаго противорѣчій, не были раскрыты съ такой удивительной проницательностью“. Газета

„Times“ въ своей статьѣ, посвященной памяти Тургенева, говоритъ, что смерть Тургенева напоминаетъ многимъ, что этотъ великій писатель не только былъ чарующимъ беллетристомъ, но имѣлъ такъ же существенное значеніе и какъ политическій дѣятель. Его очерки крестьянской жизни во времена крѣпостничества значительно подвинули впередъ дѣло „освобожденія крестьянъ“. „Онъ обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ излагать нужды народа такимъ языкомъ, который неминуемо долженъ былъ обратить на нихъ должное вниманіе. Какъ писатель, онъ становился на объективную точку зрѣнія соціолога, хладнокровно изучающаго вліяніе гнета и притѣсненія на характеръ отдѣльной личности. „Daily Hevs“ цѣнитъ художественный талантъ Тургенева выше его общественнаго значенія, но указываетъ на него и какъ на общественнаго реформатора, „возвышая такимъ образомъ двоякое значеніе „Записокъ охотника“. „Самая характеристическая черта Тургеневскаго генія, пишетъ „Daily Hevs“, это несравненное искусство разрушать письменные, религіозные и общественные предразсудки, благодаря которому авторъ и читатель могутъ всегда стоять другъ съ другомъ на почвѣ общественныхъ интересовъ“. „Классиче-

—„Здорово, Михайла Савельичъ,—проговорилъ мужикъ, подходя къ намъ:—Издалеча?

— Гдѣ пропадалъ?—спросилъ его Туманъ.

— А въ Москву сходилъ, къ барину.

— Зачѣмъ?

— Просить его ходилъ.

— О чемъ просить.

— Да чтобы оброкъ сбавили, аль на барщину посадилъ, переселилъ, что-ли...

— Сынъ у меня умеръ. Такъ мнѣ одному не справиться..."

(„Малиновая вода").

скимъ, несравненно правдивымъ въ малѣйшихъ чертахъ является у Тургенева изображеніе крѣпостного права“, пишетъ Шмидтъ въ своемъ этюдѣ о Тургеневѣ. Отмѣчая силу „этой книги“, т. е. „Записокъ охотника“, Де-Вогюэ говоритъ: „писатель перенесъ насъ въ самое сердце своей родной земли, онъ оставляетъ насъ наединѣ съ нею, самъ онъ какъ будто исчезаетъ. Однако, если не онъ, то кто же извлекъ изъ дѣйствительности и сосредоточилъ на поверхности эту скрытую въ ней таинственную поэзію, которая тутъ ясно открывается передъ нами?..“ Описываетъ впечатлѣніе публики, которая поняла вполнѣ значеніе ,этого произведенія тогда, когда всѣ отрывки его были собраны въ одинъ томъ: „Явился человѣкъ, дерзнувшій развить тайный смыслъ мрачной шутки Гоголя о „Мертвыхъ душахъ“. Эта картина,—продолжаетъ Вогюэ, — должна по настоящему казаться уродливой, отталкивающей, между тѣмъ облечена авторомъ какой-то особенной прелестью и граціей, нѣкоторымъ образомъ помимо его воли въ силу тайнаго свойства его поэзіи“.

Додэ, указывая на роль „Записокъ охотника“ въ освобожденіи крестьянъ, говоритъ: „это въ своемъ родѣ „Хижина

дяди Тома“, хотя тенденція произвести нравственный эффектъ болѣе скрыта“. Тэнъ въ своей „Исторіи революціи“ сослался однажды на разсказъ изъ Записокъ охотника — „Живые мощи“, какъ на образецъ воспроизведенія истинно народнаго пониманія жизни. Что касается Англіи, то она, умѣющая цѣнить великихъ людей, оцѣнила вполнѣ Тургенева еще при его жизни и поднесла автору „Записокъ охотника“ званіе доктора гражданскихъ правъ отъ Оксфордскаго университета.

Глава VIII.

„Записки охотника“ открыли художественный талантъ Тургенева. Это были первые распустившіеся лепестки его разцвѣтающаго творчества. Написанныя случайно, безъ заданной заранѣе цѣли на какое-либо мѣсто въ литературѣ,—онѣ совершенно неожиданно открыли предъ авторомъ его настоящій литературный путь, котораго до сихъ поръ онъ напрасно искалъ, создавая свои поэмы, хранящія въ себѣ начало твор-

ческаго дарованія, но не раскрывающія ихъ. Въ художественномъ творчествѣ это великая загадка, на которую тратятся многіе годы писательства и не разъ безуспѣшно. Значительная доля неудачниковъ въ литературѣ, съ недоразвившимся талантомъ, обязаны своей неудачей именно этому неумѣнію разгадать характеръ своего творческаго дара. Художникъ прежде всего долженъ разгадать самъ себя, характеръ своего дарованія и только тогда въ его рукахъ будетъ творческая сила, направленіе которой зависитъ уже отъ него. Въ этотъ моментъ онъ становится свободнымъ и господиномъ своего таланта, а до того онъ его рабъ, кидаемый то въ ту, то въ другую сторону капризами незнающей еще закона своей творческой фантазіи. Быть можетъ, именно вслѣдствіе простоты этой разгадки, коренящейся въ самой душѣ творца, она такъ и трудна для тѣхъ, которые подходятъ къ ней съ теоретическими размышленіями; въ большинствѣ случаевъ она раскрывается случайно, ускользая такимъ образомъ отъ усиленнаго, направленнаго въ сторону розысковъ, вниманія. Вотъ почему творческій талантъ широко раскрывается въ большинствѣ случаевъ у людей, подошедшихъ къ литературѣ случайно, какъ, напр., у Л. Н. Толстого, а у

людей съ заранѣе заложеннымъ литературнымъ призваніемъ въ тотъ моментъ, когда напряженное вниманіе къ этому призванію почему-либо ослабѣваетъ. Исключенія въ данномъ случаѣ представляетъ Пушкинъ, но его талантъ сроденъ генію, и потому обычная норма талантовъ къ нему непримѣнима. Тургеневъ же подчинялся ей вполнѣ. „Записки охотника“ написаны имъ въ то время, когда мысль о литературной дѣятельности, по его собственному признанію, уже покидала его. Хлопоты о новой редакціи „Современника“ и живое участіе въ немъ побудило Тургенева къ активному проявленію литературныхъ склонностей: онъ послалъ туда свой разсказъ „Хорь и Калинычъ“. Неожиданный успѣхъ окрылилъ автора и побудилъ его продолжать литературную дѣятельность. Какая же загадка таланта открылась Тургеневу въ его случайномъ наброскѣ? Небывалый до сихъ поръ успѣхъ у публики открылъ Тургеневу настоящій родъ его творчества: жанровыя картинки, вѣрность дѣйствительности, ея художественное воспроизведеніе. Быть можетъ, это было не то, о чемъ мечталъ онъ въ годы романтическаго увлеченія литературой, но это его настоящее, не надуманное, это было то, чѣмъ онъ могъ овладѣть

и располагать. Тургеневъ оцѣнилъ свои данныя и воспользовался ими. Рядъ разсказовъ въ этомъ родѣ является дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ таланта, при которомъ отпадаетъ мало-по-малу романтическая шелуха. Дѣйствительность завоевываетъ положительно первое мѣсто и группируетъ вокругъ себя творческій вымыселъ. Съ ней обращаются осторожно, съ ея новооткрытой важностью для таланта еще не вполнѣ освоились и боятся ее потерять. Эта осторожность сквозитъ еще въ мелочахъ. Отъ небольшихъ набросковъ, носящихъ индивидуальный характеръ, но типовыхъ по своему значенію, Тургеневъ направляется къ болѣе смѣлымъ обобщеніямъ дѣйствительности въ большихъ повѣстяхъ, какъ „Дворянское гнѣздо“, „Отцы и дѣти“, „Новь“. Здѣсь видна уже полная свобода развернувшагося и знающаго себѣ цѣну таланта. Творческій вымыселъ здѣсь не самъ группируется вокругъ дѣйствительности, а группируетъ ее вокругъ окрашеннаго творческой фантазіей бытового явленія. Такимъ образомъ „Записки охотника“ для творчества Тургенева были ключемъ къ разгадкѣ художественнаго дара. Опредѣляя его художественное значеніе, онѣ опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе

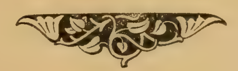
Тургенева, какъ русскаго писателя, для котораго обязателенъ нѣкоторый элементъ учительства — художественной полезности, чтобы онъ былъ признанъ безпрекословно и занималъ умы, вышедшіе изъ непосредственнаго созерцанія красоты, но не доросшіе до ея философскаго обобщенія въ томъ же созерцаніи. Кругъ наблюденія автора „Записокъ охотника" былъ именно тотъ, по которому въ данный моментъ направлялось вниманіе лучшихъ людей Россіи, и художественное освѣщеніе необходимыхъ для вывода положеній уже само собой открывало значеніе полезности въ „Запискахъ охотника". Художественная истина непосредственно служила въ нихъ жизненной справедливости. И это было другимъ элементомъ творчества, которымъ овладѣлъ Тургеневъ въ „Запискахъ охотника". „Художественное воспроизведеніе, *если оно удалось,* злѣе самой сатиры", писалъ Тургеневъ позже, въ одномъ письмѣ. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ", „Отцахъ и дѣтяхъ", „Нови" Тургеневъ пользуется сліяніемъ художественной истины и жизненной справедливости и освѣщаетъ новыя жизненныя положенія, въ которыхъ не мѣшаетъ разобраться обществу; покаянная струя въ дворянствѣ проскользнула уже въ стремленіи

Лизы въ монастырь замаливать то, „какъ папенька богатство нажилъ“; борьба новаго со старымъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“; продолженіе покаянія Лизы — въ Неждановѣ („Нови“). Въ общемъ неизмѣнная, только все шире раскрывающаяся картина общественной жизни и общественнаго сознанія, глухого роста закрытыхъ близостью къ намъ силъ, — все это черпало свое начало въ „Запискахъ охотника“ и, явившись въ началѣ литературнаго творчества, стало его центромъ, родникомъ литературныхъ силъ, изъ которыхъ могъ черпать авторъ, какъ изъ жизни.

Появленіе „Записокъ охотника“ передъ русской читающей публикой того времени имѣло прямо общественное значеніе. Художественная сторона, отсутствіе предвзятости усиливали впечатлѣніе ужасающей картины, которую Тургеневъ раскрывалъ передъ глазами. „Художественное произведеніе, если оно удается, злѣе всякой сатиры“, писалъ Тургеневъ въ одномъ письмѣ, и это какъ нельзя болѣе примѣнимо къ его „Запискамъ охотника“, успѣхъ которыхъ само собою говорилъ, что оно „удалось“. Именно эта простота изображенія, этотъ тонъ не возмущающійся, не негодующій, но разсказывающій о г. Пѣночкинѣ и ему подобныхъ,

какъ объ обычныхъ явленіяхъ въ русской жизни, — заставляли однихъ со стыдомъ опускать глаза, — другихъ уйти отъ этого содружества, нерѣдко покрывающагося либерализмомъ. Для всѣхъ, кто мало-мальски былъ причастенъ къ западной культурѣ, ясно становилось, что, пока Россія не сброситъ съ себя этихъ остатковъ варварства, ей не идти дальше. О пробужденіи гуманныхъ человѣческихъ чувствъ передъ раскрытымъ богатствомъ внутренняго міра того самаго мужика, приниженный, смиренный видъ котораго такъ часто мѣшаетъ разглядѣть его,—нечего и говорить. Для русскаго крестьянина „Записки охотника“ являются первой данью чистой справедливости со стороны интеллигенціи, первымъ искреннимъ, не кокетничающимъ собою стремленіемъ назвать его братомъ. Едва-ли какое-либо другое произведеніе русской художественной литературы сыграло когда-либо въ жизни крестьянства такую роль, имѣло такое вліяніе на его укладъ, какъ „Записки охотника“. А у насъ вѣдь была цѣлая полоса такъ называемой „народнической“ литературы. Слова императора Александра II о томъ, что его послѣ прочтенія „Записокъ охотника“ не покидала мысль объ освобожденіи крестьянъ, — говорятъ уже о ихъ

значенiи въ этомъ вопросѣ. Оставаться на мѣстѣ, т. е. при старомъ крѣпостничествѣ, послѣ того, какъ передъ глазами всѣхъ пронеслись эти живыя картинки, когда сознанiе зла достигло такой степени, что стало ясно для всѣхъ (послѣ „Записокъ охотника“ было трудно сомнѣваться въ этомъ)— значило идти открыто съ завѣдомыми эксплуататорами народа и вооружать противъ себя не только народъ, но и его лучшiя силы въ интеллигенцiи, вызывать презрѣнiе у Европы. Кромѣ того, открывалась и подтверждалась здѣсь великая духовная сила этого всевыносящаго народа. Она могла быть угрозой, могла быть и опорой для правительства въ зависимости отъ его отношенiй къ ней. Александръ II выбралъ второе.

Глава IX.

„Записки охотника“ по своему характеру могутъ быть отнесны къ народнической литературѣ, восторжествовавшей у насъ надъ всѣми другими литературными теченiями

уже послѣ реформы и первой жизненной встрѣчи интеллигенціи и народа, какъ свободныхъ людей. Ея расцвѣтъ падаетъ на 70 годы. Самый характеръ предвзятости, которымъ отмѣчена эта литература, задавшаяся цѣлью не просто увидѣть мужика, а разгадать русскаго крестьянина, да еще и выводы о будущемъ Россіи изъ него сдѣлать, была чужда Тургеневу. Это стремленіе къ выводамъ должно было особенно его отталкивать, тѣмъ болѣе, что для него, какъ для художника, была ясна раскрывающаяся передъ его глазами перспектива. Онъ резюмировалъ ее въ письмѣ къ А. П. Ф—вой отъ 1874 года: „Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго хорового развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники—не вожаки“. По этому, никогда не обманывающему Тургенева чувству дѣйствительности, онъ заранѣе угадывалъ тщетность усилій вожаковъ и жалѣлъ „помѣщиковъ“, задача которыхъ дѣйствительно была трудная. Вотъ его маленькая замѣтка объ одномъ изъ этихъ вожаковъ. „Глѣбъ Успенскій здѣсь, пишетъ онъ однажды,—и былъ сегодня у меня. Хандритъ и жалуется. Да и есть отчего хандрить, когда цензура у него хлѣбъ изо рта отнимаетъ. У Глѣба въ десять разъ

больше таланта, чѣмъ у Николая—но тоже все очень однообразно и бѣдно красками". Но кто не знаетъ, что скупость на краски исходила у Глѣба Успенскаго не отъ природной бѣдности дарованія, несомнѣнно сильнаго, а отъ заглушающаго всякія художественныя соображенія страстнаго стремленія разглядѣть глубины народной жизни, тайники народной души, для чего нужна была не художественная живость, а серьезная вдумчивость; надо было направить вниманіе въ одну сторону и на немъ сосредоточить его, пока не разгадана одна часть загадки. Это именно и случилось съ Глѣбомъ Успенскимъ, которому трудно было удержать біеніе своего сердца, отзывающагося болью на бѣдность жизни народной, ея неустройство,—страстно ищущему причинъ, а черезъ ихъ разгадку, выхода. Отъ его произведеній, несмотря на бѣдность ихъ красокъ и однотонность, вѣяло живымъ человѣческимъ страданіемъ. Это не была только „литература", на преобладаніе которой въ произведеніяхъ нашихъ писателей указывалъ съ грустью Тургеневъ *), не находящій въ нихъ любимой имъ живой жизни. Но въ типахъ Глѣба Успенскаго есть нѣсколько

*) „Отъ ихъ литературы литературой воняетъ", говорилъ Тургеневъ о нихъ.

напоминаній о „Запискахъ охотника“, нѣсколько типовъ, взятыхъ изъ жизни, но родственныхъ образамъ Тургенева, доразвивающимся въ новой атмосферѣ. На безусловную преемственность указываетъ въ соч. Глѣба Успенскаго типъ „хищника“, Бурмистръ и Викторъ Александровичъ въ „Свиданіи“ были ихъ прототипами. Туманъ своими разсказами нѣсколько напоминаетъ Бурмистра у Успенскаго. Какъ тотъ, такъ и другой видятъ въ крѣпостничествѣ что-то хорошее и толкуютъ о немъ, хотя исходная точка при этомъ у нихъ разная. Туманъ восхищается блескомъ жизни празднаго барства, поражающаго воображеніе простого человѣка, бурмистръ Успенскаго находитъ, что съ паденіемъ крѣпостничества пошелъ распадъ крестьянскаго хозяйства, у котораго не оказалось *хозяина*. Вспоминается при этомъ невольно слова стараго Хоря, обращенныя къ охотнику: „И хорошо, батюшка, дѣлаешь, стрѣляй себѣ тетеревовъ на здоровье, да старосту мѣняй почаще“. Подъ покровомъ барства народное хозяйство имѣло своихъ управителей, которыхъ барство, не зная этого хозяйства, должно было признавать фактическими поневолѣ. Съ паденіемъ крѣпостничества слова стараго Хоря — „кто безъ бороды живетъ—тотъ

тебѣ и набольшій“ оправдались вполнѣ. Хищничество закрадывалось со всѣхъ сторонъ, и хищники по своему произволу распоряжались въ широкихъ размѣрахъ народнымъ достояніемъ, безъ той предусмотрительности, которая была у барина, живущаго доходами своихъ крестьянъ, а потому, если у него была нѣкоторая дальнозоркость, не разоряющаго ихъ окончательно. Хищникъ послѣдующаго періода былъ заинтересованъ въ другомъ: поскорѣе и побольше поживиться на народной счетъ, пока народъ не успѣлъ еще осмотрѣться, не успѣлъ вздохнуть свободной грудью. Онъ зналъ, что его царство непродолжительно. Вызванное его дѣятельностью обѣднѣніе пробудило къ жизни мощный ненавистью къ обездолившимъ классъ пролетаріата. Выразителемъ его думъ и чувствъ явился въ русской литературѣ М. Горькій, открывшій новое развѣтвленіе народническаго направленія въ ея художественной части. Продолжателемъ стараго народничества является теперь въ извѣстной степени Короленко. Но въ центрѣ этого направленія, какъ могучій дубъ, вокругъ котораго обвивается плющъ, стоитъ фигура другого русскаго писателя: ему передалъ свое наслѣдство Тургеневъ. Это тотъ, кого Тургеневъ назвалъ въ своемъ письмѣ

„великимъ писателемъ земли русской“ — Л. Н. Толстой, за которымъ этотъ титулъ остался навсегда. Тургеневъ не ошибался, чувствуя свою писательскую близость съ Л. Н. Толстымъ, несмотря на разность темпераментовъ, характеровъ, міровоззрѣній. Тургенева влекло къ Толстому то уваженіе къ человѣческой личности, которая такъ же органически свойственна Толстому, какъ и Тургеневу. Оно выражалось въ признаніи за ней свободы творящаго духа. Въ примѣненіи къ литературному народничеству оно дало живые образы изъ народной среды безъ предвзятыхъ идей и такихъ же освѣщеній; повело къ дѣйствительному, а не сантиментальному знакомству съ народной средой и народнымъ бытомъ. Художественный даръ этихъ писателей раскрылъ предъ ними тѣ глубины и то народное богатство духовныхъ силъ, о которыхъ мы безъ нихъ имѣли въ большинствѣ случаевъ теоретическое понятіе, не обязывающее къ живому проявленію своихъ чувствъ, не вызывающее къ дѣятельности отвѣтныя силы. Если „Записки охотника“ сыграли видную роль въ дѣлѣ реформы крестьянской жизни, то соч. Толстого сыграли такую же роль въ покаянномъ подвигѣ русской интеллигенціи, уже близкомъ къ своему завершенію. Передъ

обоими писателями съ благодарностью склоняется русское общество.

Чествованіе Тургенева въ Москвѣ, когда онъ читалъ рѣчь о Пушкинѣ, не могло не оставить чувство удовлетворенія въ душѣ писателя, тѣмъ болѣе, что передъ этимъ между нимъ и русской молодежью, русскимъ обществомъ возникло было нѣкоторое недоразумѣніе. Оно замолкло здѣсь предъ тѣмъ чувствомъ, которое охватило публику, когда она увидѣла того, кто избавилъ совѣсть русской интеллигенціи отъ стыда рабовладѣльчества и помогъ лучшей части ея снять цѣпи съ русскаго крестьянина; кто открылъ, наконецъ, передъ глазами Европы богатство духовныхъ силъ той страны, которую она считала варварской, породнилъ ее съ нею силой художественнаго изображенія. Но русская публика не предчувствовала тогда, что отдаетъ послѣдній долгъ Тургеневу, какъ живому человѣку, и что скоро эти уста, давшія Анибалову клятву, сомкнутся на вѣки. 22 августа 1883 года русское общество отдавало послѣдній долгъ умершему писателю, перевезенному изъ Франціи въ Россію. „Родной страны суровыя мятели баюкаютъ тебя въ твоей постели и шепчутъ о блаженствѣ неземномъ. Ты заслужилъ его“, сказалъ одинъ русскій поэтъ при воспоминаніи

объ И. С. Тургеневѣ. Да, онъ заслужилъ его. Любовь и уваженіе народное къ его имени уже даютъ это блаженство.

Типографія СПБ., Ковенскій пер., 14.